

ВЕСТНИК Тамбовского университета

ЖУРНАЛ ТАМБОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени Г.Р. ДЕРЖАВИНА

Научно-теоретический
и прикладной
журнал
широкого профиля

Серия: ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ
И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Издается с 1 марта 2015 года
Выходит 4 раза в год

Выпуск
4 (4)

2015

СОДЕРЖАНИЕ

3 CONTENTS

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- 5 *А.В. Величко* Вариативность фразеологизированных предложений как отражение их двойственной грамматической природы
- 12 *О.В. Акбаева* Фразеосхема «V finit (пр. вр.) + и + V finit (пр. вр.)!» в системе русского языка
- 18 *М.Ю. Морозова* Особенности внутренней формы русских прозвищ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- 23 *О.Г. Шеина* «И радостно расправит стрекоза любовь мою...» (инсектные мотивы в любовной лирике М.А. Кузмина 1910–1920-х гг.)
- 29 *В.В. Колобов* Писательский дневник А.В. Жигулина в историко-литературном контексте
- 35 *Н.Г. Серебренникова* Художественный образ пространства в поэзии Е.И. Харланова

МЕТОДИКА И МЕТОДОЛОГИЯ

- 42 *Н.К. Сарсекеева,
А.С. Афанасьева* Методологические аспекты изучения русской литературы в Казахском национальном университете им. аль-Фараби (из опыта преподавания)
- 48 *Ж.Х. Салханова* Актуальные тенденции казахстанской лингводидактики
- 53 *М.П. Манаенкова* Содержание и структура речевой компетентности личности

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина» (392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР д. э. н., проф. В.М. Юрьев.
РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА: д. э. н., д. психол. н., проф. И.В. Грошев (зам. гл. редактора), д. филос. н., проф. И.В. Налетова (научный редактор серии), И.В. Ильина (отв. секретарь), д. филол. н., проф. Н.Н. Болдырев, д. филол. н., проф. Р. Гольдт (Германия), д. культурологии, проф. Е.И. Григорьева, д. филос., доцент Дж. Куртис (Великобритания), д. филол. н., проф. Л.В. Полякова, д. филол. н., проф. Н.Л. Потанина, д. филос. н., проф. Л.А. Пронина, д. филос. н., проф. Н.В. Розенберг, д. филос. н., проф. О.В. Ромах, д. филол. н., проф. А.Л. Шарандин.

Адрес редакции: 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33.

Тел. редакции: (4752)-72-34-34 доб. 0440. Факс (4752)-71-03-07.

E-mail: vestnik@tsu.tmb.ru

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-61097 от 19 марта 2015 г.

Подписной индекс 80303 в каталоге агентства ОАО «Роспечать».

Редакторы: Э.Ю. Закомолдина, Т.А. Ковалева, М.И. Филатова.

Редактор английских текстов Е.А. Финаева.

Компьютерное макетирование Т.Ю. Молчанова.

Вестник Тамбовского университета. Серия Филологические науки и культурология. – Тамбов, 2015. – Вып. 4 (4). – 64 с. – ISSN 2413-6859.

Подписано в печать 25.12.2015. Формат 60×84 1/8. Усл. печ. л. 7,76. Тираж 1000 экз. Заказ № 1066. Свободная цена.

Адрес издателя: 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33. ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина».

Отпечатано в Издательском доме Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина.
392008, г. Тамбов, ул. Советская, 190г.

© ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», 2015
© Журнал «Вестник Тамбовского университета. Серия: Филологические науки и культурология», 2015.
При перепечатке, а также при цитировании материалов ссылка на журнал обязательна.
Ответственность за содержание публикаций несет автор.

Tambov University REVIEW

A Scholarly
and Applied
Journal

Issue
4 (4)

Series: PHILOLOGY
AND CULTUROLOGY

A JOURNAL OF TAMBOV UNIVERSITY
named after G.R. DERZHAVIN

Published since March 1, 2015
Issued 4 times in year

2015

CONTENTS

LINGUISTICS

- 5 *A.V. Velichko* Variation of phraseological sentences as a reflection of their dual grammatical nature
- 12 *O.V. Akbaeva* Fixed phrase scheme “ V finit + and + V finit !” in the Russian language system
- 18 *M.Y. Morozova* Peculiarities of Russian nicknames’ inner form

STUDIES OF LITERATURE

- 23 *O.G. Sheina* “And the dragonfly will gaily spread my love...” (the insect motives in M. Kuzmin’s love poetry in 1910–1920)
- 29 *V.V. Kolobov* A.V. Zhigulin’s writer diary in historical and literary context
- 35 *N.G. Serebrennikova* Artistic image of space in E.I. Harlanov’s poetry

METHODS AND METHODOLOGY

- 42 *N.K. Sarsekeeva,
A.S. Afanasyeva* Methodological aspects of studying Russian literature in Al-Farabi Kazakh National University (of teaching experience)
- 48 *Z.K. Salkhanova* Relevant tendencies of Kazakhstan linguodidactics
- 53 *M.P. Manaenkova* Content and structure of personality’s speech competence

REGULATIONS FOR CONTRIBUTORS

Founder: Federal State Budget Educational Institution of High Professional Education
“Tambov State University named after G.R. Derzhavin” (392000, Tambov, 33 Internatsionalnaya street)

EDITOR-IN-CHIEF: V.M. Yuryev, Doctor of Economics, Professor.

EDITORIAL BOARD of the Journal: Doctor of Economics, Doctor of Psychology, Professor I.V. Groshev (Deputy Main Editor), Doctor of Philosophy, Professor I.V. Nalyotova (Series Scientific Editor), I.V. Ilyina (Executive Editor), Doctor of Philology, Professor N.N. Boldyrev, Doctor of Philology, Professor R. Goldt (Germany), Doctor of Culturology, Professor E.I. Grigorieva, Doctor of Philosophy, Associate Professor J. Curtis (Great Britain), Doctor of Philology, Professor L.V. Polyakova, Doctor of Philology, Professor N.L. Potanina, Doctor of Philosophy, Professor L.A. Pronina, Doctor of Philosophy, Professor N.V. Rozenberg, Doctor of Philosophy, Professor O.V. Romah, Doctor of Philology, Professor A.L. Sharandin.

Editors address: 33 Internatsionalnaya street, Tambov, 392000, Russia.

Tel. number: (4752)-72-34-34 extension 0440. Fax: (4752)-71-03-07.

E-mail: vestnik@tsu.tmb.ru.

The journal is registered by Federal service for supervision in communication, information technologies and mass communications sphere (Roskomnadzor). Certificate of registration of mass information mean ПИ № ФС77-61097 from 19 March, 2015.

Subscription index 80303 in the catalogue of the agency JCS “Rospechat”

Editors: E.Y. Zakomoldina, T.A. Kovaleva, M.I. Filatova.

English texts editor E.A. Finaeva.

Computer layout T.Yu. Molchanova.

Tambov University Review. Series: Philology and culturology. – Tambov, 2015. – Issue 4 (4). – 64 p. – ISSN 2413-6859.

Подписано в печать 25.12.2015. Формат 60×84 1/8. Усл. печ. л. 7,76. Тираж 1000 экз. Заказ № 1066. Свободная цена.

Адрес издателя: 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33. ФГБОУ ВПО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина».

Отпечатано в Издательском доме Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина.
392008, г. Тамбов, ул. Советская, 190г.

© FSBEI of HPE “Tambov State University named after G.R. Derzhavin”, 2015
© The journal “Tambov University Review. Series: Philology and culturology”, 2015.
All rights of reproduction in any form reserved.
The author is responsible for the contents of publications.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.161.1

ВАРИАТИВНОСТЬ ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ КАК ОТРАЖЕНИЕ ИХ ДВОЙСТВЕННОЙ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ

© Алла Васильевна ВЕЛИЧКО

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
г. Москва, Российская Федерация, кандидат филологических наук,
доцент, e-mail: all_velichko@mail.ru

Рассмотрена проблема фразеологичности в синтаксисе, исследованной пока недостаточно. Понятие фразеологичности в лингвистике воспринимается в первую очередь как связанное с лексическим составом языка. Между тем в синтаксических построениях это явление представлено также широко и разнообразно. Выделен и проанализирован один тип синтаксических фразеологизмов – предложения фразеологизированной структуры (ФС). Рассмотрены их основные сущностные грамматические особенности. ФС строятся по фразеологизированной модели, которая включает: постоянные, закреплённые компоненты, т. е. служебные слова в их вторичном употреблении, определяющие ее построение и фразеологическое значение, и свободный, переменный компонент, который лексически свободен, благодаря чему по одной модели может быть построено множество высказываний. Ср.: *Тоже мне город; Тоже мне праздник; Тоже мне помощник*. Таким образом, ФС имеют двойственную природу, сочетают признаки фразеологических единиц и признаки предложения. Основная часть посвящена вариативности ФС. Этот аспект анализа выбран не случайно: вариативность – характерное свойство ФС, и этим они отличаются от лексических фразеологизмов, для которых вариативность построения не столь характерна. Цель – проанализировать причину вариативности ФС и выявить способы ее проявления. Показано, что вариативность – подтверждение и проявление их грамматической сущности, их двойственной природы. Одни варианты ФС отражают их фразеологический характер, другие обусловлены свойственными им синтаксическими признаками. К вариантам первого типа относятся случаи, когда слово постоянного компонента заменяется другими, такими же лексически и грамматически опустошенными (*Какой / Какое / Где / Куда там прочитал!*). Варианты второго типа обуславливаются предложенческими свойствами ФС, тогда грамматические признаки свободного компонента определяют форму постоянного, ср.: *Какой это певец, Какой он певец, Какая это певица, Какая она певица*, но только: *Какой это праздник*). Вариативность ФС не противоречит фразеологической природе ФС, т. к. осуществляется в строгих рамках их устойчивости и воспроизводимости.

Ключевые слова: фразеология; синтаксис; предложения фразеологизированной структуры; варианты построения.

Фразеологичность – это универсальное свойство единиц языка, которое проявляется на разных его уровнях – лексическом, грамматическом, словообразовательном. Однако в первую очередь понятие фразеологизма воспринимается как связанное с лексическим составом языка, а фразеологию расценивают как раздел лексикологии. Синтаксическая фразеология исследована намного меньше. Исследователи относят к синтаксическим фразеологизмам построения разного рода, и соответственно используются разные термины: нечленимые предложения, стационарные предложения, устойчивые фразы, фраземы,

фразеосхемы, фразеомодели, коммуникемы, стандартизованные предложения и др. [1–9].

Таким образом, стоит задача более четко определить понятие синтаксического фразеологизма, разработать основные критерии того, какие построения считать синтаксическими фразеологизмами, требуется выделять разные их типы.

В статье рассматривается один тип синтаксических фразеологизмов – предложения фразеологизированной структуры (ФС), или фразеологизированные предложения.

Имеются в виду такие предложения, как: *Чем не праздник; Работа работе рознь; То-*

же мне совет; Тебе ли не радоваться; Что ни сезон, то новые концерты; Какой там прочитал; Нет бы мне позвонить тебе; Хоть меняй работу и т. п.

ФС, с одной стороны, формировались как фразеологизированные единицы и, следовательно, обладают чертами фразеологичности; с другой стороны, они являются синтаксическими построениями и обладают поэтому определенными грамматическими признаками предложения, сближаясь в этом отношении с предложениями свободных синтаксических структур.

ФС – это синтаксическая структура, модель, по которой можно построить (используя разное ее лексическое наполнение) неограниченное количество высказываний, имеющих одно типовое значение, но разное конкретное содержание (*Хоть меняй работу; Хоть ничего ей не говори; Хоть закрывай дверь на ключ; Что ни дом, то особая архитектура; Что ни день, то неожиданности; Что ни концерт, то новая программа*). Однако в отличие от традиционных нефразеологизированных предложений, которые состоят из слов и словоформ, соединяемых по правилам синтаксических связей, построение и семантика ФС не обусловлены регулярными синтаксическими связями, действующими закономерностями. Академическая «Русская грамматика» фразеологизированными называет «такие построения, в которых связи и отношения компонентов с точки зрения живых грамматических правил оказываются необъяснимыми» [10, с. 217].

В ФС компоненты «связаны друг с другом идиоматически» [10, с. 383]. Специфика фразеологизированных предложений как фразеологических единиц, имеющих синтаксическую природу, заключается в том, что их структуру образуют компоненты двух видов, имеющие разную природу, – постоянные и переменные.

Постоянные компоненты – это служебные слова, частицы, местоименные слова, междометия, получившие специфическое функционирование: они утратили или значительно ослабили свое лексическое значение, а также грамматические признаки той части речи, к которой они относятся. Они образуют структурную «рамку», модель предложения и представляют его значение, т. е. являются конструктивно и семантически образующи-

ми. Именно они определяют фразеологический характер структуры.

Переменные компоненты – это слова знаменательных частей речи. Они лексически свободны, их лексическое наполнение определяется говорящим и это создает возможность построения по одной модели множества предложений одного типового значения, но разного конкретного содержания (см. примеры, приведенные выше). ФС выражают различные субъективно-модальные значения – отношение говорящего к содержанию сообщения.

Таким образом, сочетание компонентов двух видов определяет двойственную грамматическую природу ФС: они частично воспроизводятся, являясь фразеологизированными образованиями, а частично строятся, являясь синтаксическими образованиями [11].

Фразеологизированные предложения интересны и важны тем, что они показывают, как отражается признак фразеологичности в основной единице синтаксиса – в предложении.

Одной из первых, если не первой работой, в которой были выделены такие предложения, является книга Н.Ю. Шведовой, посвященная разговорной речи, где они анализируются как одно из средств разговорного синтаксиса. В последующие годы эта идея Н.Ю. Шведовой получила развитие в «Грамматике современного русского литературного языка» 1970 г., а наиболее глубокое теоретическое осмысление и обобщение нашла в «Русской грамматике» 1980 г. [10; 12; 13].

В статье выделяется для более детального анализа один аспект ФС – их вариативность. Выбор этого аспекта не случаен.

Исследователи по-разному характеризуют фразеологические единицы (ФЕ), но в большинстве определений можно выделить общую часть, которая сводится к трем идеям: семантическая несвобода, устойчивость и воспроизводимость.

Традиционно считается, что устойчивость и воспроизводимость ФЕ определяет малую, ограниченную вариативность их лексико-грамматического состава. Вариативность ФЕ допускается только в определенном диапазоне, который задается свойством воспроизводимости, например: *гроша медного / ломаного / не стоит; прикусить / закусить / язык / язычок; прикусить / закусить язык / язычок; теплое / тепленькое место / местеч-*

ко. Это вполне логично, но относится в первую очередь к лексическим фразеологизмам.

Что касается предложений ФС, то обращает на себя внимание тот факт, что в них вариативность представлена более широко и разнообразно, является их типичной чертой, поэтому важно рассмотреть это явление вариативности подробнее.

В статье ставится задача проанализировать, каковы причины вариативности ФС, какие проявления получает она в предложениях ФС.

При этом мы исходим из признания того, что вариативность фразеологических единиц разных типов, в т. ч. и синтаксических фразеологизмов, естественна, как естественна и вариативность предложений свободных структур. Вариативность, т. е. способность выступать в разных модификациях, – это объективное свойство всех единиц языка, непереносимое условие существования и функционирования литературного языка. Язык – это живая, развивающаяся система, и вариативность обеспечивает ее подвижность, многообразие функций и назначений языка.

Вопросу вариативности фразеологических единиц разных типов уделяли внимание многие исследователи [1; 14]. Следует отметить, что по отношению к вариативности лексического фразеологизма также существуют разные точки зрения, они хорошо представлены, например, в работе В.П. Жукова [15, с. 103-114]. Сам он определяет вариант фразеологизма как «словесное видоизменение, происходящее в рамках одной и той же синтаксической конструкции и не вносящее каких-либо смысловых оттенков в содержание фразеологизма» [15, с. 103].

Анализ материала показал, что вариативность предложений ФС обусловлена их грамматическими свойствами, их двойственной природой, о которой уже шла речь. Это означает, что одни варианты обусловлены фразеологичностью ФС, другие – связаны с тем, что они обладают признаками предложения, т. е. подчиняются определенным синтаксическим правилам его построения.

Структурные видоизменения предложений фразеологизированных структур проявляются разнообразно, касаются оформления как постоянных компонентов, так и переменных. Переменный, свободный компонент во многих ФС может выражаться словами

разных частей речи. Это объясняется тем, что выражаемое значение может относиться к действию, лицу, объекту, признаку или обстоятельству: *Тож же мне помог!*; *Тож же мне помощник!*; *Тож же мне быстрый!*; *Тож же мне быстро или Отдыхать так отдыхать!*; *За город так за город!*; *Конфеты так конфеты!*; *Завтра так завтра.*

Кроме того, переменный компонент может быть представлен разными морфологическими формами одной части речи, например, инфинитивом и личной формой глагола: *Как не пойти!* *Как не пойдешь!* или разными падежными формами существительного: *В городе только и развлечение / развлечений, что театр.* Варианты переменного компонента не затрагивают типового значения структуры, но вносят в нее оттенки, связанные с различиями категориальных значений частей речи или грамматических значений морфологических форм.

Вариативность касается и постоянного компонента. В ряде ФС он может быть представлен разными словами, что не меняет его типового значения: *Нет бы тебе позвонить!* – *Что бы тебе позвонить!*; *Где девочке все это съест!* – *Куда девочке все это съест!* В данном случае замена в постоянном компоненте одного слова другим является доказательством их фразеологичности: они образуются словами, полностью утратившими свое лексическое значение и грамматические функции. Поэтому закрепление в ФС и одного, и другого грамматически и лексически опустошенного слова не мешает ей успешно выполнять свою функцию.

Вариативность постоянного компонента может быть связана с его количественным составом. Так, частица *вот* – одна или в сочетании с частицей *так*, и связкой *это*, образует ФС недифференцированной оценки, и в языке представлен вариативный ряд структур, в которых постоянный компонент представляет собой разные комбинации названных слов. Ряд имеет следующий вид: ***Вот мастер!*** – ***Вот так мастер!*** – ***Вот это мастер!*** – ***Вот мастер так мастер!*** – ***Вот это мастер так мастер!***

Частицы, которым принадлежит важная роль в организации данной ФС, не меняют ее типовое значение ФС, но они вносят оттенки, передающие разнообразные коммуникативные характеристики сообщения [16].

Вариативность ФС *Ох уж эти мне + сущ.* (*Ох уж эти мне морозы; Ох уж эти мне Ивановы*) возникает в результате того, что постоянный компонент может быть представлен не в полном, а в редуцированном виде. Форма *мне* может опускаться без непосредственного ущерба для выражения значения, например, когда вывод, утверждение говорящего относительно объекта не касается лично его, а лишь отражает его наблюдения, известную информацию об объекте. Ср.: *Ох уж эти Ивановы с восьмого этажа! Они часто устраивают шумные вечеринки, соседи на них жалуются. Ох уж этот аспирин! – Ох уж этот мне аспирин!*

Может опускаться междометие *ох* или частица *уж*, либо оба слова. Таким образом, возможны следующие варианты построения: *Уж эти мне морозы!; Ох эти мне морозы; Эти мне морозы!; Ох уж эти морозы!* Ср. также: – *Это значит, ты даром отдал лес, – мрачно сказал Левин. – То есть почему же даром? – сказал Степан Аркадьич. – Потому что лес стоит по крайней мере пятьсот рублей за десятину, – ответил Левин. – Ах, эти мне сельские хозяева! – шутливо сказал Степан Аркадьич. – Этот ваш тон презрения к нашему брату городским, а как дело сделать, так мы всегда лучше сделаем* (Л. Толстой. Анна Каренина). Важно отметить, что при этом компонент *этот* не может быть опущен без разрушения смысла структуры, он является в этой ФС конститутивным (Ср.: **Ох уж мне морозы; *Ох уж мне мужчины*).

Изменения в количественном составе постоянного компонента создают также вариативность ФС *сущ. + есть + сущ.* (*Студент есть студент; Талант есть талант*). Типичная модификация этой ФС создается при введении в нее плеонастического местоимения *он* (*она, оно, они*), обычно в сочетании с союзом *и*: *Студент он и есть студент; Талант он и есть талант*. Впрочем, эта ФС имеет и другие модификации, т. к. глагол *есть* может быть заменен или связкой *это* или лексическими конкретизаторами. Таким образом, возникает следующий вариативный ряд этой ФС: *Мастер есть мастер – Мастер – это мастер; – Мастер он и есть мастер; – Мастер он всегда мастер*.

На вариативность ФС может влиять ее двойственный характер. Так как степень

фразеологизированности у ФС различна, в некоторых из них слова, образующие постоянный компонент, не утратили полностью, а только значительно ослабили свои грамматические и лексические признаки, и синтаксические связи между словами постоянного и свободного компонентов отчасти сохраняются. В таких случаях слово, входящее в постоянный компонент, должно координироваться в своем морфологическом выражении с формой слова, представляющего свободный компонент. Так, в высказывании модели *какой + это + сущ.* форма числа и рода местоименного слова *какой* обусловлены родом и числом существительного, заполняющего позицию свободного компонента, ср.: *Какой это певец!; Какая это певица!; Какое это совершенство!; Какие это певцы!* В той же ФС, если эту позицию заполняет одушевленное существительное, возможен также вариант, где вместо слова *это* используется личное местоимение: *Какой он певец!; Какая она певица!; Какие они труженики!* (ср.: **Какой он праздник*).

Показательна в этом отношении также ФС со значением отрицания *какой + там + глаг. / нареч. / сущ.* При ее построении на первый план выходит то фразеологичность, то синтаксичность. Если позицию свободного компонента занимает глагол или наречие, форма с обстоятельственным значением, то местоимение *какой* используется в форме единственного числа мужского или среднего рода. Такие варианты обусловлены фразеологичностью структуры: в свободных структурах глагол и наречие не вступают в синтаксическую связь с вопросительным местоимением, поэтому в закреплённом, фразеологизированном употреблении одинаково возможны обе морфологические формы рода: *Какой (Какое) там успел!; Какой (Какое) там близко!; – Слушай, мне надо уйти пораньше. Ладно? – Какое там пораньше. У нас ведь сегодня совещание. Ты что, забыл? – Ой, правда. А на завтра нельзя перенести? – Какое там, на завтра. Люди решения ждут.* Кроме того, фразеологический характер ФС обуславливает возможность использования вместо местоимения *какой* местоименного наречия *где*: *Где там успел!; Где там прочитал!*

В то же время в высказываниях, где позицию свободного компонента заполняет

существительное, вопросительное местоимение *какой* обычно согласуется с ним в роде и числе: *Какая там консерватория!*; *Какой там театр!*; *Какое там кино!*; *Какие там развлечения!*, что можно объяснить неполной степенью фразеологизации этого структурного варианта. Ср.: [Серафима Карповна:] *Какие там обороты! Мы и так можем жить. Всего у нас много* (А. Островский. Не сошлись характерами).

Особенности структурного оформления ФС *на что...*, *и то...* со значением акцентирования обусловлены проявляющейся в ней реакцией на грамматическую характеристику имени в позиции переменного компонента. Если в первой части структуры после сочетания *на что* называется обстоятельство, то вторая часть всегда начинается с сочетания *и то*: *На что зимой, и то здесь почти не бывает снега*. Если же в первой части акцентируется лицо или объект, то могут использоваться также сочетания *и тот* или *и он* в соответствующей форме рода, числа и падежа: *Уж на что Юлия Петровна, и то / и та / и она ничего не знала об этой выставке*; *Уж на что музыка, и то / и та / и она ее больше не интересует*; *Уж на что музыкой, и то / и той / и ею она не интересуется*; *Уж на что к музыке / и то / и к той / и к ней она равнодушна*.

Интересной особенностью данной ФС является также возможность введения в нее вставной конструкции для сообщения информации об отличительном признаке акцентированного объекта, являющемся основанием для его акцентирования, например: *На что Сергей, еще неопытный музыкант, и то справился с этой пьесой*; *Вы знаете, уж на что она, человек завистливый, и то поняла, что тут завидовать нечему*; *Уж на что Антоша (он всегда такой непоседа), и то сидел тихо и внимательно слушал сказку*; *На что Степан Викторович, а он уже далеко не молод, и то решил принять участие в лыжном кроссе*. Возможность такого варианта, связанного с «разрывом», нарушением цельности структуры, следует расценивать как проявление ее синтаксической стороны, поскольку для ФС в принципе характера закреплённость порядка следования компонентов и негибкость структуры.

Отметим также вариативность модели, связанную с наличием факультативных ком-

понентов, т. е. таких, которые могут опускаться, и их пропуск не разрушает значения модели. Так, во фразеологизированных предложениях *Почему бы и не поехать!*; *Почему бы и не спеть!*; *Почему бы и не обсудить!* слово *и* может опускаться без ущерба для смысла, это факультативный компонент.

Таким образом, вариативность ФС – это естественное свойство ФС, она представлена разнообразно, что обусловлено их сложной структурной организацией и специфической грамматической природой, тем, что в них сочетаются, иногда переплетаясь, признаки фразеологических единиц и синтаксические признаки предложения, поэтому анализ вариативности открывает путь к более глубокому осознанию сущности и грамматической природы ФС.

Устойчивость и воспроизводимость как главенствующие признаки фразеологичности не отвергают свойство изменчивости, не противоречат ему. ФС могут допускать варианты, т. к. при этом остаются понятными носителям языка, ибо существуют в строгих рамках устойчивости и воспроизводимости.

1. Бондаренко В.Т. Устойчивые фразы в русской речи: монография. Тула, 2011.
2. Пиотровская Л.А. Эмотивные высказывания как объект лингвистического исследования. СПб., 1994.
3. Кодухов В.И. Синтаксическая фразеологизация // Проблемы фразеологии и задачи ее преподавания в высшей и средней школе. Вологда, 1967.
4. Матевосян Л.Б. Стационарное предложение: от стандартного к оригинальному. Москва; Ереван, 2005.
5. Меликян В.Ю. Очерки по синтаксису нечленных предложений. Ростов н/Д, 2001.
6. Шмелев Д.Н. Экспрессивно-ироническое выражение отрицания и отрицательной оценки в современном русском языке // Вопросы языкознания. 1958. № 6. С. 63-75.
7. Шмелев Д.Н. О «связанных» синтаксических конструкциях в русском языке // Вопросы языкознания. 1960. № 5. С. 47-60.
8. Салмина Л.М. Временные фразеологизированные структуры с компонентом *не* // Синтаксические семантические отношения в сложном предложении: сборник научных трудов. Калинин, 1985. С. 18-27.
9. Фаст Л.В. Стандартизованные предложения в разговорных и драматургических текстах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1993.

10. Русская грамматика: в 2 т. / гл. ред. Н.Ю. Шведова. М., 1980. Т. 2.
  11. *Величко А.В.* Предложения фразеологизированной структуры в русском языке: структурно-грамматическая и семантическая характеристика // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2012. № 4. С. 7-24.
  12. Грамматика современного русского литературного языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1970.
  13. *Шведова Н.Ю.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960.
  14. *Архангельский В.Л.* Проблемы устойчивости фразеологических единиц и их знаковые свойства // Проблемы устойчивости и вариативности фразеологических единиц: материалы межвузовского симпозиума. Тула, 1968. С. 21-29.
  15. *Жуков В.П.* Семантика фразеологических оборотов. М., 1978.
  16. *Николаева Т.М.* Функции частиц в высказывании. На материале славянских языков / отв. ред. В.Н. Топоров. М., 2005.
-
1. *Bondarenko V.T.* Ustoychivye frazy v russkoy rechi: monografiya. Tula, 2011.
  2. *Piotrovskaya L.A.* Emotivnye vyskazyvaniya kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya. SPb., 1994.
  3. *Kodukhov V.I.* Sintaksicheskaya frazeologizatsiya // Problemy frazeologii i zadachi ee prepodavaniya v vysshey i sredney shkole. Vologda, 1967.
  4. *Matevosyan L.B.* Statsionarnoe predlozhenie: ot standartnogo k original'nomu. Moskva; Erevan, 2005.
  5. *Melikyan V.Yu.* Ocherki po sintaksisu nechlenimyykh predlozheniy. Rostov n/D, 2001.
  6. *Shmelev D.N.* Ekspressivno-ironicheskoe vyrazhenie otritsaniya i otritsatel'noy otsenki v sovremennom russkom yazyke // Voprosy yazykoznanija. 1958. № 6. S. 63-75.
  7. *Shmelev D.N.* O "svyazannykh" sintaksicheskikh konstruktivnykh v russkom yazyke // Voprosy yazykoznanija. 1960. № 5. S. 47-60.
  8. *Salmina L.M.* Vremennye frazeologizirovannyye struktury s komponentom ne // Sintaksicheskie semanticheskie otnosheniya v slozhnom predlozhenii: sbornik nauchnykh trudov. Kalinin, 1985. S. 18-27.
  9. *Fast L.V.* Standartizovannyye predlozheniya v razgovornyykh i dramaturgicheskikh tekstakh: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 1993.
  10. Russkaya grammatika: v 2 t. / gl. red. N.Yu. Shvedova. M., 1980. T. 2.
  11. *Velichko A.V.* Predlozheniya frazeologizirovannoy struktury v russkom yazyke: strukturno-grammaticheskaya i semanticheskaya kharakteristika // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya. 2012. № 4. S. 7-24.
  12. Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka / pod red. N.Yu. Shvedovoy. M., 1970.
  13. *Shvedova N.Yu.* Ocherki po sintaksisu russkoy razgovornoy rechi. M., 1960.
  14. *Arkhangelskiy V.L.* Problemy ustoychivosti frazeologicheskikh edinits i ikh znakovye svoystva // Problemy ustoychivosti i variativnosti frazeologicheskikh edinits: materialy mezhvuzovskogo simpoziuma. Tula, 1968. S. 21-29.
  15. *Zhukov V.P.* Semantika frazeologicheskikh oborotov. M., 1978.
  16. *Nikolaeva T.M.* Funktsii chastits v vyskazyvanii. Na materiale slavyanskikh yazykov / отв. ред. В.Н. Топоров. М., 2005.

Поступила в редакцию 17.11.2015 г.

UDC 811.161.1

VARIATION OF PHRASEOLOGICAL SENTENCES AS A REFLECTION OF THEIR DUAL GRAMMATICAL NATURE

Alla Vasilyevna VELICHKO, M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation, Candidate of Philology, Associate Professor, e-mail: all_velichko@mail.ru

It is devoted to the problem of phraseology in syntax, not studied enough yet. The notion of phraseology in linguistics is perceived first of all as connected with lexical structure of language. But in syntax constructions this phenomenon is presented widely and figuratively. One type of syntax phraseological units are the sentences of phraseological structure (PS). Their basic essential grammatical peculiarities are considered. PS are build up according to phraseological model, which includes: constant, fixed components, that means reserved words in their secondary use, defining their composition and phraseological meaning and free, variable component, which is lexically free, due to this there can be build many utterances on one model. Compare: *Тоже мне город; Также мне праздник; Также мне помощник* (*That's not a city; That's not festival; That's not an assistant*). Thus, PS have dual nature, combine features of phraseological units and features of sentence. Basic part is devoted to variation of PS. This aspect of analysis is not chosen accidentally: variation is a characteristic feature of PS and that is what they are different from lexical phraseological units. The variation of building is not a characteristic feature for them. The aim is to analyze the reason of PS variation and to reveal the ways of its appearance. It is shown, that variation is the confirmation and appearance of their grammatical essence, their dual nature. Some variants of PS reflect their phraseological nature, others are conditioned by their syntactic features. The variants of first type are conditioned on the word of constant type is replaced by another, both lexically and grammatically wasted (*Какой / Какое / Где / Куда там прочитал!* (*But that won't do to read!*)). The variants of the second type are conditioned on by sentence features of FS, but grammatical features of free component define the form of constant, compare: *Какой это певец, Какой он певец, Какая это певица, Какая она певица*: (*What a singer, She / He is not a singer*) but only: *Какой это праздник* (*What a festival*). Variations of FS do not conflict with phraseological nature of FS as it is realized within strict frames of their stability and repeatability.

Key words: phraseology; syntax; sentences of phraseological structure; variants of building.

УДК 80'42

ФРАЗЕОСХЕМА «V FINIT (ПР. ВР.) + И + V FINIT (ПР. ВР.)!» В СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

© **Ольга Викторовна АКБАЕВА**

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону,
Российская Федерация, соискатель, кафедра теории языка
и русского языка, e-mail: o.akbaeva@yandex.ru

Описаны фразеосинтаксические схемы современного русского языка с опорным компонентом *и*. Актуальность исследования обусловлена неизученностью данного объектного пространства, а также высокой его значимостью для практики коммуникации. В исследовании были использованы следующие методы: описательный, метод компонентного анализа семантической структуры предложения, синтаксического моделирования, фразеологического анализа, трансформационный метод, а также метод фразеографического портретирования, этимологического, контекстуального и дискурсивного анализа. Фразеосхема с опорным компонентом *и* описана в структурном, семантическом, этимологическом, парадигматическом, синтагматическом, стилистическом, фразеологическом и функциональном аспектах. Обоснован фразеологический статус данной фразеосхемы и ее принадлежность фразеологической подсистеме языка. Установлено, что фразеосхема имеет два обязательных компонента (неизменяемый и изменяемый), характеризуется признаками воспроизводимости, структурно-семантической устойчивости и целостности, идиоматичности и экспрессивности, обладает неизменяемой структурой, служащей моделью для построения аналогичных предложений-высказываний. Доказано, что фразеосхема выражает не только пропозициональное значение, но и фразеосинтаксическое значение. В целом фразеосхема с опорным компонентом *и* достаточно частотна в практике речевой коммуникации, что обусловлено ее системными и функциональными характеристиками. Ее использование в разговорной речи повышает эффективность процесса коммуникации, придает ему непринужденный характер.

Ключевые слова: синтаксическая фразеология; фразеосинтаксическая схема; фразеологическая подсистема; русский язык.

Фразеосинтаксические схемы (фразеосхемы) представляют собой важный ресурс разговорной речи. Они относятся к экспрессивным ресурсам языка и имеют фразеологический статус [1]. История изучения фразеосхем начинается в середине XX в. К ключевым исследованиям по данному объектному пространству можно отнести работы В.Л. Архангельского [2], Н.М. Шанского, Н.Ю. Шведовой, Д.Н. Шмелева, В.Ю. Меликяна и некоторых других ученых.

Фразеосхемы являются самостоятельным классом синтаксических фразеологических единиц [3]. По характеру опорного компонента они делятся на несколько групп: с опорным компонентом, выраженным наречием (вопросительным и невопросительным), местоименным словом, частицей, междометием, предлогом, полнозначительным словом и союзом [4]. Настоящее исследование посвящено описанию фразеосхемы с опорным компонентом *и*.

Фразеосхема «**V finit (пр. вр.) + и + V finit (пр. вр.)!**» является полисемичной. В системе языка она выражает три значения:

1) «согласие, допущение, примирение (принятие предмета речи)», например:

«...Глуп, говорит, ты!» **Ну, глуп и глуп, не впервой мне это от него слышать...** (Н.С. Лесков. Соборяне);

2) «оценку предмета речи как обычного, соответствующего норме, традиционному представлению о нем (нейтральное отношение к предмету речи)», например:

– *Госсподи!* – *Что госсподи? Госсподи сделала или госсподи не сделала?* – **Ну сделала и сделала.** – *А по моим наблюдениям, ты ничего не делала. – Верочка вспыхивает и вихрем летит куда-то в глубину квартиры и возвращается через две секунды, размахивая голубым дневником, откуда вылетает розовая промокашка с наклеенной картинкой: корзинка фиалок и два голубка – и долго зигзагами планирует по комнате. Верочка швыряет тетрадь на выкройку, быстро переворачивает страницы.* (В.П. Катаев. А+В в квадрате);

3) «констатацию факта (отстраненное отношение к предмету речи)», например:

Остановились купить боржома, и пьяный мужик подле киоска четко сказал мне почти в восхищении: – У-у, еврей какой, евреяга прямо. – Неня толкнул его рукой от меня, и он с удивленным лицом отскочил к стене. – Да оставь ты его, Мара, ну, сказал и сказал, и что? Что обижаться-то? Пьяный человек, дурной, – сказал Неня с досадой. (М.М. Зайчик. В нашем регионе).

Значения данной фразеосхемы являются близкими по своему характеру. Однако есть и отличительная черта. Все значения различаются ценностным отношением говорящего к предмету речи: первое выражает «*принятие предмета речи*» (говорящий активно относится к предмету речи, оценивает его и формулирует свое положительное отношение к нему), второе – «*нейтральное отношение к предмету речи*» (говорящий активно относится к предмету речи, оценивает его и формулирует свое нейтральное отношение к нему), третье – «*отстраненное отношение к предмету речи*» (говорящий пассивно относится к предмету речи, отказывается от его оценивания и формулирования своего отношения к нему) [3].

Фразеосхема «**Vfinit (пр. вр.) + и + Vfinit (пр. вр.)!**» является производной. Она сформировалась на основе сложноподчиненного предложения с придаточным условия, например:

– Если он **бросил** работу, то **и пусть бросил!** Никому до этого нет дела. (Из разг. речи).

Данная фразеосхема сформирована на основе сказуемого обеих частей сложноподчиненного предложения. При этом в качестве сказуемого выступает одна и та же лексема. Кроме того, из производящего предложения заимствован усилительный союз *и*, который употребляется для усиления выразительности в начале вопросительных и восклицательных предложений [5], например:

Степан даже привскочил, с сердцем ответил: – **И** чего ты привязался? (М.А. Шолохов. Тихий Дон).

Значение «согласия, допущения, примирения и т. д.» фразеосхема заимствует у частицы *пусть*: «**Пусть. 2. частица.** Употребляется для выражения примирения с чем-л., принятия чего-л.» [5]. Значения частицы *пусть* и усилительного союза *и* в составе производящего сложноподчиненного пред-

ложения апплицируются друг на друга в силу своей близости (неполнозначительность) и функционируют в качестве единого структурно-семантического блока. Это делает возможным при трансформации сложноподчиненного предложения во фразеосхему в соответствии с законом экономии, который активно действует в сфере синтаксических фразеологических единиц, опустить часть сочетания *и пусть* [3].

Таким образом, фразеосхема «**Vfinit (пр. вр.) + и + Vfinit (пр. вр.)!**» сформирована совершенно иным способом, в отличие от других фразеосхем с опорным компонентом-союзом, например: *а то, если бы, уж на что, нет чтобы, хоть бы, чтоб* [6]. Она базируется не на одной из частей сложноподчиненного предложения (как правило, придаточной, т. к. союз предшествует ей и присоединяет ее к главной части), а на сказуемом обеих частей. Кроме того, в качестве опорного компонента используется не подчинительный союз (к примеру: *а то, если бы, уж на что, нет чтобы, хоть бы, чтоб*), как в других фразеосхемах, а усилительный союз *и*, который выполняет в исходном сложноподчиненном предложении вспомогательную функцию, модифицируя субъективно-модальное значение его главной части. Это обусловлено авторской интенцией, которая заключается не в установлении причинно-следственных связей между двумя ситуациями, репрезентированными обеими частями сложноподчиненного предложения, а в стремлении актуализировать, выделить субъективно-модальное значение «примирения с чем-л., принятия чего-л.». В дальнейшем, в практике речевой коммуникации данное значение было дифференцировано по различным сферам и ситуациям употребления на три близких по своему исходному характеру значения.

В качестве обязательного неизменяемого компонента данной фразеосхемы выступает лексема *и*. Опорный компонент специфичен, о чем было сказано выше. Еще одна его особенность заключается в том, что он занимает интерпозицию.

Внутренняя форма опорного компонента связана с усилительным союзом *и*, означаемое которого не коррелирует с категориальным значением «согласия, допущения, примирения и т. д.» данной фразеосхемы. Сема

«усиления, акцентирования, выделения» присутствует во фразеосинтаксическом значении фразеосхемы, однако не является основной. Кроме того, она, как правило, детерминирована целым рядом специфических источников, типичных для фразеосхемы вообще. Таким образом, можно утверждать, что значение усилительного союза *и* деактуализировано в составе данной фразеосхемы. Кроме того, с точки зрения грамматики его контактное расположение между сказуемыми двух частей сложноподчиненного предложения никак грамматически не оправдано. Это подтверждает факт деактуализации значения опорного компонента.

Обязательный неизменяемый компонент *и* фразеосхемы «**Vfinit (пр. вр.) + и + Vfinit (пр. вр.)!**» является однокомпонентным и парадигматическими свойствами не обладает в силу своего лексико-грамматического статуса неизменяемой части речи (союза). Известно, что союзы не имеют специальных морфологических средств для выражения синтаксических значений. Эта характеристика унаследована опорным компонентом от исходной союзной лексемы.

Обязательный изменяемый компонент характеризуется наличием полной лексико-грамматической парадигмы (за исключением личного местоимения): «**Vfinit [N, Adj, Adv] + и + Vfinit [N, Adj, Adv]!**». Анализ языкового материала показал, что наиболее продуктивной частью речи является глагол (V), остальные встречаются намного реже. Например:

1) *Вот это и есть мое отношение к Индии. Боги так везде, но в Индии это как-то особенно очевидно. Вы очень несерьезно относитесь к смерти. Как-то высказали: что такое смерть, ну умер и умер... БГ. По моему, к смерти очень серьезно относятся те, кто жалеет не своих умерших близких, а себя. Как можно жалеть умершего человека, его уже нет?* (В.К. Молчанов, К. Сегура. И дольше века...);

2) – *У лешего наружность обыкновенная. Мужичок и мужичок. Вроде меня.* (К.Г. Паустовский. Повесть о лесах).

Морфологическая парадигма обязательного изменяемого компонента потенциально полная. По мнению В.В. Виноградова, это обусловлено тем обстоятельством, что союзы являются неизменяемыми словами, не явля-

ются членами предложения, а потому «непосредственно не влияют на форму отдельных слов» [7]. При этом чаще всего используется форма прошедшего времени глагола (**Vfinit (пр. вр.)**). Другие части речи и другие их формы, кроме названных выше, в практике речевой коммуникации встречаются крайне редко.

Обязательный изменяемый компонент лексически свободно варьируем.

Фразеосхема «**Vfinit (пр. вр.) + и + Vfinit (пр. вр.)!**» синтаксической парадигмой не обладает по причине необратимости порядка следования ее обязательных структурных компонентов. Это детерминировано утратой синтаксических отношений между структурными элементами модели предложения.

В составе данной фразеосхемы выявлен один факультативный компонент (*ну*), который занимает исключительно препозицию: «<**Ну**> **Vfinit [N, Adj, Adv] + и + Vfinit [N, Adj, Adv]!**». Например:

– *Ну ладно, ладно, – сказала мама, – к тебе девочка пришла, а ты... Ничего, барышня, не волнуйся. Он уж у нас такой балбес, не понимает... Ну, разбила и разбила, не пообедем... – Женщина говорила очень ласково, даже как-то слишком ласково, так, что Аленке стало неудобно. – А вы к нам только переехали? Да? (А.В. Драбкина. Волшебные яблоки);*

Данный факультативный компонент имеет следующее значение: «**Ну**. 2. *частица*. 5. *Разг.* Употребляется в значении союза, указывающего на вывод, заключение или вводное замечание. – *Ну, и гости, разумеется, при этом случае бывают. И забава, и почет соблюден.* И.С. Тургенев. *Малиновая вода*» [5]. Функционирование лишь данного факультативного компонента обусловлено характером его значения, которое коррелирует с категориальным значением «согласия, допущения, примирения и т. д.» фразеосхемы. Данное значение основывается на нескольких мыслительных операциях: выражении активного / пассивного отношения к предмету речи, его оценивании, формулировании своего положительного / нейтрального / отстраненного отношения к нему. Последнее репрезентируется как вывод или заключение, что соотносится со значением факультативного компонента *ну*.

Следует отметить, что пунктуационное оформление данного факультативного компонента может быть различным, что видно из двух предыдущих примеров: он может отделяться от последующего текста запятой либо следовать без запятой.

Фразеосхема «<Н_у>V_{finite} [N, Adj, Adv] + и + V_{finite} [N, Adj, Adv]!» не допускает никакого распространения своей синтаксической структуры. Это составляет ее специфику на синтагматическом уровне анализа.

Нераспространяемость данной фразеосхемы обусловлена нестандартным для синтаксических фразеологических единиц этого класса способом производства [8]. Использование не основного союзного, а вспомогательного элемента для формирования опорного компонента привело к деактуализации синтаксических отношений между элементами структуры и к невозможности расширения модели предложения за счет дополнительных компонентов структуры.

Эта же причина привела к тому, что на основе данной фразеосхемы невозможно сформировать коммуникему [9]. В производящем сложноподчиненном предложении с придаточным условия ведущим грамматическим аспектом значения является условный характер связи между двумя пропозициями, репрезентированными частями этого сложного предложения. Однако в качестве акцентированного избрано факультативное субъективно-модальное значение [10]. Таким образом, принцип рематичности при формировании фразеосхемы и коммуникемы был изначально нарушен, что и привело к «обрыву» данной этимологической цепочки.

Фразеосхема «<Н_у>V_{finite} [N, Adj, Adv] + и + V_{finite} [N, Adj, Adv]!» характеризуется наличием таких признаков фразеологизации, как воспроизводимость, структурно-семантическая устойчивость и целостность, идиоматичность, экспрессивность и разговорная стилистическая маркированность.

Ее воспроизводимость обусловлена деактуализацией синтаксических отношений и невозможностью формировать каждый раз заново данную синтаксическую модель [11]. Поэтому она используется коммуникантами в готовом виде как синтаксический шаблон (схема).

Устойчивость структуры описываемой фразеосхемы обусловлена наличием неиз-

менного набора обязательных компонентов, стабильностью порядка их следования, отсутствием парадигматических свойств у опорного компонента, крайне ограниченным набором факультативных компонентов (лишь один), отсутствием его варьирования, а также нераспространяемостью синтаксической структуры [12].

Устойчивость семантики определяется наличием неизменяемого фразеосинтаксического значения у всех реализаций данной фразеосхемы: сем «согласия, допущения, примирения (принятия предмета речи)» / «оценки предмета речи как обычного, соответствующего норме, традиционному представлению о нем (нейтрального отношения к предмету речи)» / «констатации факта (отстраненного отношения к предмету речи)», а также сем «интенсивности» («интенсема»), «разговорности» («разговорная стилема») и «экспрессивности».

Целостность означающего фразеосхемы выражается в невозможности опущения одного из обязательных компонентов структуры, а целостность означаемого – в наличии целостного фразеосинтаксического значения, которое репрезентируется моделью предложения в целом.

Идиоматичность анализируемой фразеосхемы проявляется вне выводимости (формальной невыраженности) элементов фразеосинтаксического значения и некоторых других. Например:

– *Мы в благородство играем, а они этим пользуются! Никого я не сдавал. И запись меня не интересуется. Сделал и сделал. Мимо шел, увидел, снял. – Для чего? – спросил Петр.* (А.И. Славовский. Большая Книга Перемени).

В данном примере идиоматичным является значение «констатации факта (отстраненного отношения к предмету речи)», «интенсивности» («интенсема»), «разговорности» («разговорная стилема») и «экспрессивности».

Идиоматичной является и «синтаксема» (синтаксическая сема), репрезентирующая общее грамматическое значение синтаксической конструкции с точки зрения структурно-семантического типа предложения. По форме данное высказывание (*Сделал и сделал.*) оказывается сходным с простым членным предложением, осложненным одно-

родными сказуемыми. Реальный же статус данного высказывания – простое повествовательное предложение фразеологизированной структуры.

Несмотря на невысокий уровень экспрессивности данной фразеосхемы, у коммуниканта все же имеются возможности варьирования его коммуникативного смысла в субъективно-модальном аспекте. Например:

1) – Муж, как кольцо на пальце, – сказала она, цураясь на золотой треугольный перстень. – Вот оно! – Да, оно дорогое, оно мне нравится, а потеряла... и выяснилось, что ничего страшного в жизни не произошло. **Ушел и ушел...** Я к нему несколько раз ездила, пыталась встряхнуть, поставить на ноги, думала, вернется... А ему хоть бы хны – завел себе чешку-буфетчицу и живет с ней, на еду и выпивку хватает, больше ничего не надо... (Д.Н. Каралис. Роман с героиней) [13];

2) И знал я в то же время, что наша колониальная бедность никого удержать не может. Ребятам я сказал: – Ну и черт с ним! **Ушел – и ушел.** Есть дела поважнее. В апреле Калина Иванович начал пахать. Это событие совершенно неожиданно свалилось на нашу голову. (А.С. Макаренко. Педагогическая поэма);

3) «Сронив» на пол чашку, она сильно пугалась и начинала плакать. – Линочка, здесь нет злых людей, не бойся же так! Никто не обидит тебя, – с озоранием говорила ей Марина. – **Ну, разбила и разбила!** Так же и я могла разбить! Ведь не нарочно же! (В.А. Осеева. Динка).

В первом примере представлено стандартное структурное наполнение и пунктуационное оформление фразеосхемы. Во втором – между двумя сказуемыми поставлено тире, что акцентирует внимание на предмете речи, а также способствует выражению большей решимости «согласиться, примириться с данным фактом (принять предмет речи)». В третьем примере этой же цели служит использование факультативного компонента синтаксической структуры, модифицирующего (усиливающего) субъективно-модальную составляющую означаемого фразеосхемы.

Варьирование авторской интенциональности возможно также за счет особой контекстуальной реализации данной фразеосхемы [14]. Например:

Автор, я не могу понять в чем здесь проблема? Ну, сказал Вам муж, что ему понравилась какая-то девушка и вот, если б Вы были такой же, то цены б Вам не было. Ну, и фиг с ним сказал и сказал. Примите к сведению и не надо лить слез и уж, тем более, закатывать скандал. Он же не собирается Вам с ней изменять, просто, возможно, он хочет видеть в Вас некоторые качества той девушки. Вот и все. (Катюнчик, 2005.01.02 14:39. Женщина + мужчина: Психология любви (форум)).

В данном примере значение фразеосхемы «согласия, допущения, примирения (принятия предмета речи)» актуализируется в контексте несколько раз. Сначала в левом контексте за счет коммуникемы *Ну, и фиг с ним*, которая выражает сходное с фразеосхемой значение:

«**Фиг [хрен, ...] с ним [ней, ними, тобой, вами]!** Прост. 1. Выражение вынужденного согласия, примирения с существующим положением дел, иногда в сочет. с неодобрением, досадой и т. п. – Берите, берите! – Лучше продайте другому человеку. – Это бесплатно. – **Фиг с вами!** Давайте. (Д. Донцова. Лягушка Баскервилей)» [15].

Затем в правом контексте фразой, которая прямо репрезентирует категориальное значение данной фразеосхемы: *Примите к сведению...* Многократное воспроизведение (дублирование) значения фразеосхемы обусловлено спецификой коммуникативной ситуации, в которой потребовалась сила убеждения для решения психологической проблемы и снятия высокого накала эмоциональных переживаний.

В целом данная фразеосхема соответствует своему категориальному статусу, хотя и отмечена целым рядом специфических характеристик. Она активно функционирует в разговорной речи и располагает широким арсеналом средств выражения разнообразных авторских интенций.

1. Меликян В.Ю. Лингвокреативная функция языка как проявление фундаментальных законов универсума (на примере фразеосхем русского языка) // Вопросы филологии. 2011. № 2.
2. Архангельский В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Ростов н/Д, 1964.

3. Меликян В.Ю. Синтаксические фразеологические единицы русского языка // Русский язык в школе. 2010. № 11.
4. Меликян В.Ю. Современный русский язык. Синтаксическая фразеология. М., 2014.
5. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1981–1985.
6. Меликян В.Ю., Вакуленко Д.А. Фразеосинтаксические схемы с опорным компонентом-союзом: язык и речь // Русский язык в школе. 2015. № 3.
7. Виноградов В.В. Русский язык. М., 1972.
8. Шанский Н.М. Фразеология русского языка. М., 1969.
9. Меликян В.Ю. Классификация русских коммуникем по степени фразеологизации // Русский язык в школе. 2012. № 4.
10. Меликян В.Ю. К проблеме грамматической и словообразовательной парадигмы коммуникем // Вопросы языкознания. 1999. № 6.
11. Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960.
12. Шмелев Д.Н. Синтаксически связанные конструкции-фразеосхемы // Синтаксическая членимость высказывания в современном русском языке. М., 1976.
13. Меликян В.Ю. Синтаксический фразеологический словарь русского языка. М., 2013.
14. Меликян В.Ю. Стереоллингвистика (теория речевого стандарта) как раздел языкознания // Современный русский язык: актуальные вопросы теории и методики преподавания: монография. Ростов н/Д, 2012.
15. Меликян В.Ю. Синтаксическая фразеология русского языка. М., 2013.
2. Arkhangel'skiy V.L. Ustoychivye frazy v sovremennom russkom yazyke. Rostov n/D, 1964.
3. Melikyan V.Yu. Sintaksicheskie frazeologicheskie edinity russkogo yazyka // Russkiy yazyk v shkole. 2010. № 11.
4. Melikyan V.Yu. Sovremennyy russkiy yazyk. Sintaksicheskaya frazeologiya. M., 2014.
5. Slovar' russkogo yazyka: v 4 t. / pod red. A.P. Evgen'evoy. M., 1981–1985.
6. Melikyan V.Yu., Vakulenko D.A. Frazeosintaksicheskie skhemy s opornym komponentom-soyuzom: yazyk i rech' // Russkiy yazyk v shkole. 2015. № 3.
7. Vinogradov V.V. Russkiy yazyk. M., 1972.
8. Shanskiy N.M. Frazeologiya russkogo yazyka. M., 1969.
9. Melikyan V.Yu. Klassifikatsiya russkikh kommunikem po stepeni frazeologizatsii // Russkiy yazyk v shkole. 2012. № 4.
10. Melikyan V.Yu. K probleme grammaticheskoy i slovoobrazovatel'noy paradigmy kommunikem // Voprosy yazykoznaneya. 1999. № 6.
11. Shvedova N.Yu. Ocherki po sintaksisu russkoy razgovornoy rechi. M., 1960.
12. Shmelev D.N. Sintaksicheski svyazannye konstruksii-frazeoskhemy // Sintaksicheskaya chlenimost' vyskazyvaniya v sovremennom russkom yazyke. M., 1976.
13. Melikyan V.Yu. Sintaksicheskiy frazeologicheskiy slovar' russkogo yazyka. M., 2013.
14. Melikyan V.Yu. Stereolingvistika (teoriya rechevogo standarta) kak razdel yazykoznaneya // Sovremennyy russkiy yazyk: aktual'nye voprosy teorii i metodiki prepodavaniya: monografiya. Rostov n/D, 2012.
15. Melikyan V.Yu. Sintaksicheskaya frazeologiya russkogo yazyka. M., 2013.

Поступила в редакцию 05.11.2015 г.

UDC 80'42

FIXED PHRASE SCHEME “V FINIT + AND + V FINIT !” IN THE RUSSIAN LANGUAGE SYSTEM

Olga Viktorovna AKBAEVA, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation, Competitor, Theory of Language and Russian Language Department, e-mail: o.akbaeva@yandex.ru

It is devoted to the description of fixed phrase scheme of the modern Russian language with the base element “and”. The urgency is caused by the untested nature of objective space and its high relevance in practice of communication. The following methods were used in the research: descriptive method, component analysis of the sentence's semantic structure, syntactic modeling, phraseological analysis, transformational method, the method of phraseographical portraiture and etymological, contextual and discursive analysis. Phrase scheme with the base element “and” is described in structural, semantic, etymological, paradigmatic, syntagmatic, stylistic, phraseological and functional aspects. The phraseological status of the following fixed phrase scheme and its membership of the language phraseological subsystem is substantiated. It is established that this fixed phrase scheme has two binding components (constant and variable). It is characterized by the features of reproducibility, structural-semantic stability and integrity, idiomaticity and expressivity, has immutable structure as a model for building similar sentences-utterances. It is proved that the fixed phrase scheme expresses not only propositional, but also phraseosyntactical meaning. In general, the base element “and” is frequent enough in practice of speech communication, because of its systemic and functional characteristics. Its use in colloquial speech increases the effectiveness of the communication process, gives it a relaxed character.

Key words: syntactic phraseology; fixed phrase scheme; phraseological subsystem; Russian language.

УДК 81'373.2

ОСОБЕННОСТИ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ РУССКИХ ПРОЗВИЩ

© **Марина Юрьевна МОРОЗОВА**

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, аспирант, кафедра русской филологии
и журналистики, e-mail: ant_scherbak@mail.ru

Рассматривая словообразовательные возможности русских прозвищ с точки зрения маркированности их национальных особенностей, устанавливается, что на развитие и существование такой антропонимической единицы, как прозвище, независимо от лингвистического статуса – лексического или грамматического – воздействуют две основные группы факторов: экстралингвистические и внутриязыковые. Каждая из них складывается из достаточно многочисленного количества составляющих, набор которых сугубо индивидуален для данного ономастического явления. Связь между прозвищем и производным словом осуществляется посредством особой мотивации: семантическая обусловленность заменяется обусловленностью экстралингвистической (языковая игра, известность имени, типичность, распространенность, прецедентность, коннотация и т. д.). Национальная специфика мышления производна не от языка, а от реальной действительности, язык же не только отражает в своей семантике и указывает те различия, которые оказываются маркированными для людей, живущих на той или иной территории в силу тех или иных причин, но и описывает национальную специфику значений языковых единиц. Доказано, что главный закон, в соответствии с которым происходит реализация словообразовательного потенциала прозвищ, – это закон регулярности, системности и нормативности деривационных образований в языке. Из всего многообразия словообразовательных средств и способов выражения деривационных значений язык безошибочно выбирает лишь те, которые соответствуют морфологическим особенностям производящих основ. Изучение прозвищ позволяет установить, что понятие внутренней формы слова гораздо шире, чем просто мотивированность, поскольку объединяет в себе целый ряд дополнительных признаков.

Ключевые слова: русские прозвища; внутренняя форма; мотивация; национальная специфика.

Современный этап исследования ономастической системы характеризуется когнитивным изучением имен собственных. Выявление различных структур знания, в нашем случае антропонимического, обнаруживает определенную специфику в языке. Речь идет о национальной специфике мышления, которая производна не от языка, а от реальной действительности [1]. Язык не только отражает в своей семантике и указывает те различия, которые оказываются маркированными для людей, живущих на той или иной территории в силу тех или иных причин, но и описывает национальную специфику значений языковых единиц. Связь между прозвищем и производным осуществляется посредством особой мотивации: семантическая обусловленность заменяется обусловленностью экстралингвистической (известность имени, типичность, распространенность, прецедентность и т. д.).

В неофициальной сфере общения, бытовой коммуникации прозвище является особым дополнительным идентификатором че-

ловека, характеризующим его в большом и малом социуме.

В Словаре В.И. Даля включено такое понятие, как «прозванье», синонимичное понятию «прозвище». *«Прозванье, проименование, фамилия человека, придаточное имя, какое носить вся семья; прозванье значит добавочную к семейному, родовому прозванию кличку, стар. рекло; твр. прозвище, прозвыище. Богатого по отчеству (чествуютъ), убогаго по прозвищу (по прозванью)»* [2, с. 485].

Рассматривая прозвище как вид антропонима, ученые определяют его как «дополнительное имя, данное человеку окружающими людьми в соответствии с его характерной чертой, сопутствующим его жизни обстоятельством или по какой-либо аналогии» [3, с. 111].

На развитие и существование такой антропонимической единицы, как прозвище, независимо от лингвистического статуса – лексического или грамматического – воздействуют две основные группы факторов; экстралингвистические и внутриязыковые. Каждая из них складывается из достаточно мно-

гочисленного количества составляющих, набор которых сугубо индивидуален для данного ономастического явления. Связь между прозвищем и производным словом осуществляется посредством особой мотивации: семантическая обусловленность заменяется обусловленностью экстралингвистической (известность имени, типичность, распространенность, прецедентность и т. д.).

Особую роль в семантико-словообразовательном процессе образования прозвищ имеет мотивация, которая проявляется в т. н. языковой игре в рамках игровой теории как основы жизнедеятельности вообще, основоположником которой является нидерландский историк Й. Хейзинга [4, с. 26]. Языковая игра, по мнению Л. Витгенштейна, связана с границами самого языка и внешними по отношению к языку объектами, что является собой динамический и открытый процесс [5]. С учетом конкретного адресата, ономастическая игра реализует определенный словообразовательный потенциал, имея при этом творческую интерпретацию этих единиц и окказиональный результат.

Если мы говорим: это *Петя*, то нас в данном случае интересует то, что перед нами конкретный человек по имени *Петр*. Предельная конкретность, единичность являются главными признаками имени, которое индивидуализирует именуемое.

Однако самое большое число отыменных прозвищ дает созвучие имен и некоторых апеллятивов. Ср.: *Петя* – отсюда прозвище *Петух*. Так, традиционное созвучие идет на уровне совпадения уменьшительной формы имени *Петр* – *Петя* и слова *Петя*, которое можно считать кличкой петуха, что отражено в устном народном творчестве. Например: «*Петя, Петя, петушок, золотистый гребешок*», «*Петушок – золотой гребешок*», «*Петух поневоле запоет, коли говорить не умеет*», «*Петух скажет курице, а она – всей улице*», «*Петухи зори не проспят*», «*Петуху ячменное зерно жемчужины дорожке*» и др.

В этом случае можно говорить о таком явлении, как коннотация, в результате которой происходит логическое выделение информации, базирующейся на знании субъекта действительности, стоящей за именем собственным производящим и его концептуальным пространством (структурой). Коннотации могут быть модальными, оценочными,

эмоциональными, психологическими, культурными, семантическими, ассоциативными и т. п. [6, с. 236].

Как известно, для нарицательных имен характерны парадигматические ассоциации (*добро – зло*) и синтагматические ассоциации (*человек – добрый и злой*), антропонимы же вызывают ассоциации, связанные с денотатом (*Ваня – мальчик, Таня – девочка*) или с множеством денотатов. Речь идет о структурах знаний, стоящих за именем собственным. Например: прозвище *Тимуровец* – последователь Тимура и его команды из повести А.П. Гайдара, представитель детской организации, помогающий участникам войны, их семьям, инвалидам и престарелым и т. п., «человек, поступающий, как Тимур из повести Гайдара», «положительная оценка деятельности лица». Наличие в слове суффикса -ЕЦ служит основанием для появления значения «лица», что и отражает прозвище *Тимуровец*.

Суффикс *-ец* в древнерусский период использовался как нейтральный для образования существительных при номинации людей, выполняя функцию антропонимизации. Например, человек, рожденный весной, получал прозвищное имя *Ярец* (Ярец, иконописец в Москве, 1482 г.) [7, с. 257]. Корень *-яр-* связан с представлением о весеннем плодородии (ср.: русские слова *яровой ярый* и сходные слова с тем же корнем у южных и западных славян: *Ярило* – божество возрождающегося солнца, плодородия и силы).

Впоследствии этот суффикс стал использоваться в качестве социальной маркировки для обозначения княжеских детей, рожденных от наложниц. Этот же суффикс в старорусский период стал употребляться для наименования служителей церкви (ср. поп *Иванец*). Со временем эта морфема стала функционировать в разных сферах и «обращать» дополнительными коннотациями, но ее прототипическая «предметность» в настоящее время осознается всеми говорящими.

Одна из таких проблем, исключительно важная для этимологии прозвищ – это ассоциативные связи. Изучение ассоциативной семантики онимов стало новым направлением в ономастике (И.С. Карабулатова), которое обретает широкую популярность. Изучение ассоциативных связей онимов нам представляется важным не только в качестве но-

вого метода в изучении ономастики и нового подхода к ней. Ассоциативная семантика имен собственных позволяет решить некоторые проблемы, известные традиционной ономастике, но не находившие разрешения. По тем или иным соображениям постулируется качество фона, к которому должны возводиться прозвища. Другая проблема, имеющая прямое отношение к ассоциативным связям прозвищ в целом, – это проблема внешнего сходства онимов и имен нарицательных.

В исследованиях, посвященных изучению прозвищ, подчеркивается, что активнее прозвища бытуют в традиционном сельском замкнутом быту (дворовые прозвища), где люди давно и хорошо знают друг друга, в малом социуме (семья, школа, студенчество, профессиональный коллектив) [8, с. 213-217]. Однако человек всегда стремится избавиться от неблагозвучной фамилии, или фамилии, вызывающей «сниженные» ассоциации. В стилистике художественного текста столь же хорошо знакомо то, что фамилии со «сниженными» ассоциациями принадлежат отрицательным персонажам, персонажам со специально маркированным социальным положением, так или иначе такие фамилии служат средством индукции отрицательного отношения к литературному герою или сочувствия к нему.

Прозвища как класс онимов, в особенности в таких средах, которые трудно признать социально полноценными, – таких, как детские коллективы в школах и дворовые компании, не говоря о кличках в криминальном и околокриминальном мире, всегда возникают из средств стилистически сниженной лексики, что в свою очередь вызывает негативное, по крайней мере, в эмоциональном плане отношение к самому этому классу онимов, становящемуся достоянием на сегодня многих специалистов [9; 10].

Обращают на себя внимание прозвища, зафиксированные в студенческой среде, где широко распространено усечение фамилий типа *Блинов – Блин, Кулешов – Кулеш, Николаев – Калаш, Рогачев – Рогач* и т. п.

Думается, что в основе инициативы к распространению такого рода прозвищ лежит сложившаяся манера обращения вузовских преподавателей или школьных учителей к студентам и учащимся по фамилии, а

не по имени – манера, собственно говоря, абсолютно неадекватная с точки зрения практики общения. Не случайно такого рода прозвища не появляются среди детей дошкольного возраста, но потом получают широкое распространение именно среди школьников и студентов. Похожим процессом является подведение личных имен, немотивированных для носителя русского языка (тем более такого «наивного» носителя языка, как ребенок) под знаменательные слова, например: *Сергея – Серый* и т. п.

Для старших школьников и молодежной среды может отмечаться замена гипокористических форм имени сходными или соотносительными иноязычными личными именами, например: *Борис – Боб, Николай – Ник, Иван – Джон, Александр, Алексей – Алекс* и др.: такой процесс отражает контакт с иным языком, но по существу всегда является свидетельством знакомства с языком на «докоммуникативном» уровне, не позволяющим пользоваться им в общении, но проявляющемся в виде обозначения некоей языковой компетенции.

Имеются примеры омонимии на уровне апеллативов, легших в основу образованных от них прозвищ. В качестве иллюстрации можно привести следующие пары фамильных антропонимов и прозвищ, полученных из этих фамилий: *Пятка (Пяткин), Немец (Немцов)*. Пятка – часть человеческой ноги и Пятка – пятый сын у родителей; немец – житель Германии и *Немец* – плохо говорящий или молчун. Таким образом, коннотация прозвищ и основ фамильных антропонимов отличается, прозвища привязаны к конкретным денотатам, оттого и ассоциации, возникающие при их звучании, более определены, узнаваемы и порой обидны.

Более сложные ассоциации, которые лежат в основе всякого рода метонимических переносов, наблюдаются в случаях замены апеллатива, к которому восходит фамилия, другим, связанным с ним по смыслу. При этом наблюдаются случаи созвучия. Фамилия *Кострюков* восходит к прозвищу *Кострюк*, которое давали неуживчивому, «колючему» человеку. *Кострюк* созвучно апеллативу *Кострюля*, отсюда и прозвище *Половник*.

Иногда в качестве прозвища используется апеллатив, входящий в одну и ту же лексико-семантическую группу, что и апелля-

тив, лежащий в основе фамилии: *Булка* (Хлебников), *Пароход* (Корабельников). Разного рода ассоциации лежат в основе таких прозвищ, как *Мурзик* (Кошкин), *Пернатый* (Воронцов), *И-го-го* (Конева).

В отыменных прозвищах можно выделить следующие группы:

1) традиционное созвучие идет на уровне совпадения уменьшительной формы имени *Петр – Петя*; Михаил – Миша;

2) рифмованные дразнилки: *Обезьяна* (Яна), *Хрюша* (Андрюша); *Книжка* (Мишка), *Малина* (Марина);

3) совпадение звучания имени и апеллиатива: *Дыня* (Дина), *Соловей* (Слава), *Пахан* (Павел);

4) встречаются и прозвища такого типа, которые имеют т. н. местный колорит: *Питирим* (Петр). Имя Питирима, архиепископа Тамбовского, жившего в XVII в. и причисленного к лику святых в начале XX столетия, на Тамбовщине известно каждому жителю области;

5) созвучными оказываются не полные личные имена, а уменьшительные их формы: *Леший* (Алексей – Леша), *Гаврила* (Игорь – Гаря).

Кроме различного вида созвучий, вызывающих всевозможные ассоциации, при образовании отыменных прозвищ огромную роль играют переосмысления, т. е. нахождение связей между именами и фамилиями, в которых прослеживаются некие сходные признаки.

Если рассматривать, каким образом прозвища реализовали свои потенциальные словообразовательные возможности в конкретных производных и каким морфонологическим закономерностям они подчиняются, выясняется следующее.

Производное прозвище представляет собой реализацию двустороннего процесса приспособления морфем друг к другу. С одной стороны, валентность корневых морфем нашла свое выражение в модели типового словообразовательного гнезда. С другой – реализация семантических формул мотивации осуществляется через валентность служебных морфем, или аффиксов, которая выразилась в морфемной сетке типового словообразовательного гнезда. Главный закон, в соответствии с которым происходит реализация словообразовательного потенциала, –

это закон регулярности, системности и нормативности деривационных образований в языке. Из всего многообразия словообразовательных средств и способов выражения деривационных значений язык безошибочно выбирает лишь те, которые соответствуют морфонологическим особенностям производящих основ.

В настоящее время в науке сложилось мнение о том, что внутренняя форма слова есть его ближайшая мотивация. Отсюда делается вывод, что внутренней формой обладают лишь производные слова, т. е. такие единицы, в которых очевидна связь между мотивированным и мотивирующим словами.

Изучение прозвищ позволяет установить, что понятие внутренней формы слова гораздо шире, чем просто мотивированность, поскольку оно не сводится к ней однозначно, а объединяет в себе целый ряд дополнительных признаков. Именно внутренняя форма придает значению прозвища то национальное своеобразие, которое свойственно языку в целом, и вбирает в себя многочисленные семантические коннотации, которые и создают вокруг слова уникальный смысловой фон, закрепленный коллективным языковым сознанием говорящих на данном языке.

1. *Щербак А.С.* Способы репрезентации антропонимического концепта // Когнитивные исследования языка. Москва; Тамбов, 2014. Вып. 17. Т. 3.
2. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Санкт-Петербург; Москва, 1882.
3. *Подольская Н.В.* Словарь русской ономастической терминологии. М., 1988.
4. *Хейзинга Й.* Homo Ludens. М., 2004.
5. *Витгенштейн Л.* Философские работы: в 2 ч. М., 1994. Ч. 1.
6. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
7. *Тупиков Н.М.* Словарь древнерусских личных собственных имен / вступ. ст. и подгот. текста В.М. Воробьев. М., 2004.
8. *Щербак А.С., Бурыкин А.А.* К проблеме выявления отличительных особенностей прозвищ от личного имени // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2009. Вып. 9 (77). С. 213-217.
9. *Родина Н.А.* Современные детские прозвища: структурно-семантический и функционально-динамический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2014.

10. *Родина Н.А.* Особенности бытования отыменных детских и молодежных прозвищ (на примере прозвищ г. Смоленска) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. М., 2015. № 2.
1. *Shcherbak A.S.* Sposoby reprezentatsii antroponimicheskogo kontsepta // Kognitivnye issledovaniya yazyka. Moskva; Tambov, 2014. Vyp. 17. T. 3.
2. *Dal' V.I.* Tolkovyy slovar' zhivogo velikorussskogo yazyka: v 4 t. Sankt-Peterburg; Moskva, 1882.
3. *Podol'skaya N.V.* Slovar' russkoy onomasticheskoy terminologii. M., 1988.
4. *Kheyzinga Y.* Homo Ludens. M., 2004.
5. *Vitgenshteyn L.* Filosofskie raboty: v 2 ch. M., 1994. Ch. 1.
6. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'.* M., 1990.
7. *Tupikov N.M.* Slovar' drevnerusskikh lichnykh sobstvennykh imen / vstup. st. i podgot. teksta V.M. Vorob'ev. M., 2004.
8. *Shcherbak A.S., Burykin A.A.* K probleme vyyavleniya otlichitel'nykh osobennostey prozvisch ot lichnogo imeni // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki. Tambov, 2009. Vyp. 9 (77). S. 213-217.
9. *Rodina N.A.* Sovremennye detskie prozvischa: strukturno-semanticheskiy i funktsional'no-dinamicheskiy aspekty: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Kaliningrad, 2014.
10. *Rodina N.A.* Osobennosti bytovaniya otymennykh detskikh i molodezhnykh prozvisch (na primere prozvisch g. Smolenska) // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya. M., 2015. № 2.

Поступила в редакцию 02.12.2015 г.

UDC 81'373.2

PECULIARITIES OF RUSSIAN NICKNAMES' INNER FORM

Marina Yurevna MOROZOVA, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Post-graduate Student, Russian Philology and Journalism Department, e-mail: ant_scherbak@mail.ru

Considering word-forming possibilities of Russian nicknames from the point of view of their national peculiarities marked process. It is established that two basic groups of factors extralinguistic and innerlinguistic influence the development and existence of such anthroponymic units as nickname not depending linguistic status – lexical or grammatical. Each of them is build up from wide amount of components, the set of which is individual for this onomastic event. The link between nickname and derivative is realized by special motivation: semantic conditionality is replaced by extralinguistic conditionality (language game, the fame of the name, typicality, popularity, precedent, connotation and etc.). National specifics of thinking is not derivative of language, but it is derivative of reality. Language does not only reflect in its semantics and points at the difference, which are marked for people, living on the special territory because of some reasons, but it describes national specifics of language units' meanings. It is proved, that the main rule according to which the realization of word-forming potential of nicknames occurs is the rule of regulations, system and norms of derivative formations in language. The language chooses only those of wide range which correspond to morphonological peculiarities of the producing basis. The study of nicknames establishes that the notion of word's inner form are much wider; that just motivation which unites a full raw of additional features.

Key words: Russian nicknames; inner form; motivation; national specifics.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82.09

«И РАДОСТНО РАСПРАВИТ СТРЕКОЗА ЛЮБОВЬ МОЮ...» (инсектные мотивы в любовной лирике М.А. Кузмина 1910–1920-х гг.)

© Оксана Геннадьевна ШЕЙНА

Курский областной краеведческий музей, г. Курск,
Российская Федерация, научный сотрудник,
e-mail: acksinya@mail.ru

Рассмотрены образы крылатых насекомых в лирике М.А. Кузмина как частное проявление мотива полета. Полет представлен как необходимый для поэта способ перехода из мира реального в мир вымышленный. Особое внимание уделено понятию «нездешнего» мира, в котором пребывает лирический герой, а также контаминации древнегреческих и славянских традиций в художественном воплощении образа крыльев. Выявлены наиболее значимые для поэзии М.А. Кузмина 1910–1920 гг. образы летающих насекомых: бабочки, мотылька, пчелы. Проведен сопоставительный анализ образа крылатой древнегреческой богини Психеи в стихотворениях «Ангел благовествующий» (1919) и «Fidesapostolica» (1921), вариативность репрезентации которого выступает как проявление «капризного синкретизма» в творчестве поэта. На примере текстов «Ко мне скорее, Теодор и Конрад...» (1924) и «На площадке пляшут дети...» (1921) проанализирован мотив движения и остановки насекомого, соотносящийся с движением человеческой души и достижением эмоциональной цели. Рассмотрены фонетические особенности стихотворения «По черной радуге мушиного крыла...» (1921), а также определена роль разных видов рифм в структуре текста. Метафорическая способность к полету обозначена как одна из главных характеристик состояния любящего человека в поэзии и прозе М.А. Кузмина.

Ключевые слова: М.А. Кузмин; мотив полета; образы насекомых; античная мифология; любовная лирика.

Основная особенность не только поэтического творчества, но и личности М.А. Кузмина заключается в его принадлежности к «нездешнему» миру.

Сформировавшаяся под влиянием книг и путешествий погруженность в иные миры и культуры позволяла поэту чувствовать себя гостем в реальной обстановке. Воспитанная с раннего детства религиозность служила ему опорой для такого отречения, подкреплялась знаниями об уже не существующих странах и цивилизациях: Александрии, Атлантиде и т. д. Именно эта отчужденность давала повод к «александрийской» биографии поэта, созданной М.А. Волошиным, к различным догадкам о национальности М.А. Кузмина (современники обнаруживали в его облике черты то цыгана, то итальянца, то сирийца), придавала очарование его весьма оригинальной внешности, вызывала симпатию, подобную той, что возникает при общении с иностранцем-интеллектуалом. По мнению

Л.В. Савельевой, «камерность и экзотический антураж были нужны ему для идеальной жизни в царстве культуры, которую он, в определенном смысле *гражданин вселенной*, сознательно предпочитал т. н. правде жизни. Его цитаты, аллюзии, реминисценции говорят о вторичности творимой поэтической реальности, что было совершенно в духе Серебряного века» [1]. Отстраненность, отчужденность помогли сохранить личную и поэтическую независимость, о которой говорит Н.А. Богомолов [2], и преодолеть страх земной смерти, сделав из умирания целое действие, подробно рассмотренное в творчестве поэта А.К. Жолковским и Л.Г. Пановой: «Смерть для Кузмина – орудие восприятия жизни, но не в духовно-этическом, а в эстетическом ключе. Честолюбивая задача преодоления смерти красотой решается в «Сладко умереть...» с помощью установок на гедонизм, эстетизм, интертекстуальность, медитативное отстранение и свободу выбо-

ра» [3]. Легкость свободы выбора, а соответственно, перехода от жизни к смерти объясняется пребыванием между двумя мирами: реальным и вымышленным, перемещение между которыми осуществляется посредством полета. Самостоятельного исследования, посвященного художественной репрезентации мотива полета в поэзии М.А. Кузмина, не проводилось. Однако изучение философской концепции и художественных средств, связанных с данным явлением, может существенно расширить масштаб изучения творчества поэта. В этой связи интересен эксперимент М.Л. Гаспарова, составившего два вида тезаурусов к сборнику «Сети». В формальный тезаурус вошли имена существительные, сгруппированные по сходству в несколько тематических рубрик, в функциональный – лексемы, объединенные по смежности, т. е. по текстовым ситуациям [4]. Полученные исследователем результаты показывают, например, что слово «крылья» перемещается из подгруппы «организм и его продукты», входящей в тематическую рубрику «природа живая» формального тезауруса, в рубрику «Лица» – «Я» – «Духовный мир» функционального тезауруса. Причем на слово «крылья» приходится три из двадцати двух словоупотреблений, большее количество которых приходится в данной группе только на слово «роза», о которой как об устойчивом образе немало сказано в кузминоведении (например, в статье И.А. Табункиной рассматривается мотив розы как показатель эстетической близости М.А. Кузмина и английского графика О. Бедрсли [5]). Подобный род литературоведческого эксперимента может быть полезен как для внесения конкретики в общую характеристику художественного мира поэта, так и для детального рассмотрения отдельного образа или мотива и возможностей его функционирования в тексте. Несмотря на то, что материалом для анализа послужил ранний сборник «Сети» (1907–1908), схожие тенденции можно проследить и в более позднем творчестве М.А. Кузмина.

М.А. Кузмин по своей философии – человек нездешний, иностранец, инопланетянин, поэтому многое в его поэтической эстетике – нездешнее. В контексте рассмотрения мотива полета остановимся, например, на такой мелкой и незначительной, на первый взгляд, де-

тали художественного мира поэта, как насекомые. Особое отношение поэта к мелочам подчеркивает Л.Г. Панова: «М.А. Кузмина как *homolegens* выдают любовно выписанные мелочи – растения (от лотоса, камыша, которые сразу опознаются как египетские, до левкоев, роз, акации, жасмина), птицы (голуби, орлы, павлины), предметы <...>, празднества» [6]. Добавим к данному перечню насекомых, которые у М.А. Кузмина практически не являются обитателями реального русского пейзажа (что свойственно, например, поэтической традиции XIX в.). В большинстве случаев они становятся частью метафоры или сравнения, что делает их существование призрачным. Может показаться, что они не несут особой смысловой нагрузки. Но большинство насекомых крылатые, а крылья – один из ключевых образов в творчестве М.А. Кузмина: это не только символ свободы любви, творчества и самовыражения, но и возможности быстро покинуть враждебный мир, улететь туда, где возможно обрести счастье. Именно поэтому окончившее полет насекомое становится метафорой некоего абсолюта, покой знаменует наступление того момента, когда больше не хочется улетать.

В любовной лирике полет может обозначать интенсивность переживания, а окончание движения крыльев – успокоение, умиротворение, достижение желанной эмоциональной цели. В стихотворении «Ко мне скорее, Теодор и Конрад...» (1924) жаждущий любви лирический герой оказывается в пустыне, напоминающей о Древнем Египте: «Песок, песок, песок... / Жалкие глыбы гробницы... / Ни облака, ни птицы... / Отбившийся мотылек / В зное недвижим висит... / Все спит... / Как мир знакомый далек!» [7]. Пустоту вымышленного мира нарушает лишь мотылек, который охарактеризован эпитетом «отбившийся», подходящим и для самого лирического героя. «Висящий» в воздухе мотылек подчеркивает волнение и трепет затянувшегося ожидания. Кульминационное явление «давно известного» человека сопровождается окончанием полета: «А мотылек усталый опустился / На кончик лакированной ботинки / И белым бантиком лежать остался» [7]. Отметим, что существительное «полет» в анализируемом тексте не употребляется, его заменяют глаголы «висит» и «опустился». Лексема «крылья» также

отсутствует, однако ее замещает визуальный образ: форму «бантика» создают угадывающиеся расправленные крылья. Сходное композиционное строение находим в стихотворении «Солнцем залит сад зеленый...» (1909), в котором томительное предвкушение встречи сопровождается движением насекомых: «Еле дышишь, еле видишь... / Рой вверх жужжит пчелиный... / Где-то стук копыт услышишь... / Едет всадник в сад зеленый...», а долгожданное свидание – остановкой: «Я, любовью утомленный, / К сердцу всадника прижмусь... / Опустился рой пчелиный!» [7]. Факт возвращения к рассматриваемому мотиву через большой временной промежуток позволяет говорить о его значимости для поэтического мира М.А. Кузмина.

Отголоски данного явления, напоминающего фольклорный принцип параллелизма, появляются и в других произведениях, приобретая вариативность звучания. В стихотворении «На площадке пляшут дети...» (1921), например, вьющийся мотылек не останавливается, что подчеркивает печальное настроение и неизвестность его причины, общую неясность чувств, неопределенность будущего: «Вьется белый мотылек / В утомительном покое. // Умилен и опечален, / Уплываю смутно вдаль. / Темной памятью ужален, / Вещую кормлю печаль. / Можжевельника ли жаль / В тусклом золоте развалин?» [8].

Устойчивость данного мотива подтверждает неизданное стихотворение, опубликованное в качестве приложения к вышеупомянутой статье М.Л. Гаспарова «Художественный мир М. Кузмина: тезаурус формальный и тезаурус функциональный». Произведение, по предположению автора статьи, хронологически относится к концу 1920-х гг. и «производит впечатление алфавитного указателя характерной топики собственного творчества (раннего и позднего), составленного самим поэтом» [4]. Приведем первые четыре строки, соответствующие буквам «А», «Б», «В» и «Г»:

«1. Айва разделена на золотые, для любви, половинки. Предложить – вопрос, ответить – ответ.

2. Желтая бабочка одна трепещет душою на медовых шероховатых округлостях, пока не появится

3. всадник, и не будет

4. гостем» [4].

Следует отметить не только мотив сопоставления движения насекомого и предвкушения встречи, но и отождествление бабочки с человеческой душой, что характерно для народных поверий, в т. ч. славянских. В этом же произведении есть еще один фрагмент, связанный с мифологией:

«12. и мандолина миндально горчит слух. Испано-Рим и арабо-Венеция загробным кузнечиком гнусаво трещат, как крылышком богини Пэйто – убеждения» [4].

На этот раз образ крыльев перемещается в иную тематическую группу: от части организма насекомого к части тела божества. В этом отношении неопубликованный текст также показателен: в художественном мире М.А. Кузмина крыльями, а значит и способностью к полету, зачастую наделены насекомые и мифологические герои, в данном случае – древнегреческая богиня убеждения Пэйто, дочь Океана и Тефиды, спутница богини Афродиты. Как утверждают А.К. Жолковский и Л.Г. Панова, «укладывание остро-человеческого содержания в готовые культурные формы – часть общего эстетического квеста М.А. Кузмина. Для его экзистенциальных исканий оно означало стремление осмыслить себя при свете античности, литературу же обогатило сплавом лирического новаторства с узаконивающими его привычными формами» [3].

В античной мифологии следует искать истоки интереса М.А. Кузмина к полету как метафоре состояния свободы и влюбленности. Крыльями наделен бог любви Эрот: «Крылья нежные расправил, / И хохочет, и щекочет, / И без цели, и без правил / Сердце бьется, сердце хочет, муки сладкие узнав» (1911) [7]. Кроме того, именно античность предлагает нам сосуществование богов и насекомых: пчела была неизменной спутницей сына Афродиты. В названном факте кроются истоки сравнения поцелуя с вкусом пчелы, которое встречается в стихотворении из цикла «Песеньки» (1912): «Солнце – лицо твое, руки белы, / Жалят уста твои жарче пчелы. // Кудри шафрановы, очи – смелы, / Взгляд их быстрее и острее стрелы. // Щеки что персик – нежны и спелы, / Бедра что кипень, морские валы. // Где же найти мне достойной хвалы? / Скудные песни бедны и малы» [7].

Отметим весьма своеобразную, но вполне характерную для творчества М.А. Кузмина контаминацию античных поэтических и славянских фольклорных традиций. Солнце, морские валы, шафран, стрелы напоминают о Греции и рожденной из пены Афродите. Колорит народной лирической песни создают краткие прилагательные («белы», «шафрановы», «смелы» и т. д.), составные именные сказуемые («что кипень», «что персик»), однородные сказуемые («нежны и спелы», «бедны и малы»), а также параллельные синтаксические конструкции.

Стихотворение из цикла «Песенки» может стать примером «капризного синкретизма», о котором упоминает поэтесса Н.В. Волькенау относительно раннего цикла М.А. Кузмина «Александрийские песни»: «Между прочим, не снявши еще своего старорусского костюма, читает М.А. Кузмин свои «Александрийские песни» – наглядное проявление капризного его синкретизма» [2]. Синкретизм может проявляться и в разной стилистической окраске одного и того же образа, введенного в разные тематические и эмоциональные контексты. Рассмотрим стихотворения «Ангел благовествующий» (1919) и «Fidesapostolica» (1921), написанные в разной манере, но содержащие обращение к образу Психеи. Первое, сложное по тематике, наполненное образами греческой мифологии и библейскими реминисценциями, и не менее сложное по форме, совмещающей в себе различные стихотворные метры, виды строф и способы рифмовки. Второе – изящная шутка, контрастирующая с начальной цитатой на латыни. В первом тексте упоминается имя Психеи: «Рукою радостной завеса / Отдернута с твоей души... / Психея, мотылек без веса, / В звенящей слушает тиши» [7]. Во втором случае имя богини не названо, однако ее незримое присутствие очевидно: «Напрасно ночь-арабочка / Сурдинит томно скрипки, / – Моя душа, как бабочка, / Летит на запах липки» [7]. В «Ангеле благовествующем» Психея неподвижна, невесома, окружена тишиной, в «Fidesapostolica» ее атрибутами становятся звук, запах, движение, – душа будто обретает телесную оболочку. В резко отличающихся по смысловому наполнению и стилистическому решению текстах лексемы «мотылек» и «бабочка» имеют разную окраску: мотылек кажется более «воз-

вышенным», более подходящим для сочетания с греческим именем, образ бабочки воспринимается как более игривый, телесный, осязаемый.

Интерес М.А. Кузмина к крыльям не только в метафорическом, но и прямом смысле настолько необъятен, что даже на крыле мухи поэту удается разглядеть радугу. Стихотворение «По черной радуге мушиного крыла...» (1921) – загадка, полная неясностей, философская медитация. Бессмертие души воспринимается как некая вторая жизнь, что подчеркивают оксюмороны: «впервые вижу снова», «прежний ветерок <...> нов». Импульс стихотворения расходится от одной точки: из «мушиного крыла» – в широкое пространство, взгляд постепенно поднимается все выше и выше: пастбища – небосклон – гора Геликон. Оксюморон присутствует и в «черной радуге», и в составляющих неравносложную рифму словах «Геликон» и «икона», одно из которых отсылает к греческой мифологии, другое – к православной традиции. Настроение произведения напоминает состояние просыпающегося человека, перерождение, отход ото сна навстречу заре. Фонический рисунок способствует звонкому, выразительному, но плавному и равномерному звучанию. В богато аллитерированном звуковом аккомпанементе преобладают сонорные звуки, среди которых наиболее частотным является звук [н]. Музыкальность текста подчеркивают разнообразные виды рифм, при определении которых мы пользуемся терминологией М.Л. Гаспарова [9]. В каждой строфе рифмуются все четыре слова. В первом четверостишии рифмы «крыла-пчела», «открыла-отлучила» являются точными с совпадением «как гласных, так и согласных звуков», а «крыла-открыла», «пчела-отлучила» – разноударными, «в которых графическое сходство рифмующихся слов сохраняется, но сходство звучания разрушается разной позицией ударений» [9]. Рифмы второй строфы «снов-нов», «снова-основа» – богатые, для них характерно «кроме обязательного созвучия ударного и послеударных звуков еще и созвучие предударных (опорных) звуков», «снов-снова», «нов-основа» – неточные, неравносложные [9]. В третьем катрене рифмы «небосклон-Геликон», «лоно-икона» – точные, «небосклон-лоно», «Геликон-икона» – неточные, неравносложные.

Чередование разных видов точных и неточных рифм, насыщенная звукопись делают стихотворение похожим на поэтический эксперимент: в первой строфе наиболее выразительно звучат шипящие и [ч], во второй – сочетания с сонорными [дл], [вл], [пл], [сн], в третьей – сочетания [зл], [зд] и находящиеся в сильной позиции [р], [з] (например, в окказиональном словосочетании «розой зорь аврорится»). Таким образом, создается впечатление перехода от негромкого шороха в первой строфе к более звонкой тональности во второй и взрывному громкому аккорду – в третьей, что дополняет ощущение перехода от сна к яви.

Античность дала поэту одну из основных идейных линий – мотив окрыленной души. Именно влиянием античной традиции обусловлено появление в поэтическом мире М.А. Кузмина насекомых. Основное их достоинство для автора – наличие крыльев и способность к полету. Интересно отметить, что в поэзии М.А. Кузмина отсутствует кузнечик, образ весьма популярный в русской лирике и зачастую наделенный глубоким философским смыслом (вспомним кузнечиков М.В. Ломоносова, Г.Р. Державина, Я.П. Полонского, В.В. Хлебникова, Н.А. Заболоцкого). Имеющий крылья кузнечик является одним из немногих насекомых, не умеющих летать. Возможно, именно поэтому ему почти не находится места в художественном мире поэта. Отождествление «любовь – крылья», сопоставление любви и чувства готовности к полету лежит в основе перифраза «И радостно расправит стрекоза любовь мою...» в стихотворении «О чем кричат и знают петухи...» (1924), которое отсылает нас к словам Штрупа из повести М.А. Кузмина «Крылья» (1906): «И люди увидели, что всякая Красота, всякая любовь – от богов, и стали свободны и смелы, и у них выросли крылья» [10].

1. Савельева Л.В. Слово и музыка в лирике Михаила Кузмина // Русская речь. 2009. № 3.
2. Богомолов Н.А. Михаил Кузмин: искусство, жизнь, эпоха. М., 1996.

3. Жолковский А., Панова Л. Самоубийство как прием: «Сладко умереть...» Михаила Кузмина // Звезда. 2008. № 10.
4. Гаспаров М.Л. Русские стихи 1890-х – 1925-го годов с комментариями. М., 1993.
5. Табункина И.А. Рецепция Обри Бердсли в стихотворении М. Кузмина «Приглашение» // Вестник Пермского университета. 2012. Вып. 2 (18). С. 121-130.
6. Панова Л.Г. «Александрийские песни» Михаила Кузмина: генезис успеха // Вопросы литературы. 2006. № 6.
7. Кузмин М. Стихотворения. СПб., 2000.
8. Кузмин М.А. Избранные произведения / сост., подг. текста, вступ. ст., коммент. А.В. Лаврова, Р.Д. Тименчика. Л., 1990.
9. Гаспаров М.Л. Художественный мир М. Кузмина: тезаурус формальный и тезаурус функциональный // Избранные статьи. М., 1995. С. 275-285.
10. Кузмин М.А. Подземные ручьи: Избранная проза. СПб., 1994.

1. Savel'eva L.V. Slovo i muzyka v lirike Mikhaila Kuzmina // Russkaya rech'. 2009. № 3.
2. Bogomolov N.A. Mikhail Kuzmin: iskusstvo, zhizn', epokha. M., 1996.
3. Zholkovskiy A., Panova L. Samoubiystvo kak priem: "Sladko umeret'..." Mikhaila Kuzmina // Zvezda. 2008. № 10.
4. Gasparov M.L. Russkie stikhi 1890-kh – 1925-go godov s kommentariyami. M., 1993.
5. Tabunkina I.A. Retseptsiya Obri Berdli v stikhovorenii M. Kuzmina "Priglasenie" // Vestnik Permskogo universiteta. 2012. Vyp. 2 (18). S. 121-130.
6. Panova L.G. "Aleksandriyskie pesni" Mikhaila Kuzmina: genezis uspekha // Voprosy literatury. 2006. № 6.
7. Kuzmin M. Stikhotvoreniya. SPb., 2000.
8. Kuzmin M.A. Izbrannye proizvedeniya / sost., podg. teksta, vstup. st., komment. A.V. Lavrova, R.D. Timenchika. L., 1990.
9. Gasparov M.L. Khudozhestvennyy mir M. Kuzmina: tezaurus formal'nyy i tezaurus funktsional'nyy // Izbrannye stat'i. M., 1995. S. 275-285.
10. Kuzmin M.A. Podzemnye ruch'i: Izbrannaya proza. SPb., 1994.

Поступила в редакцию 24.11.2015 г.

UDC 82.09

“AND THE DRAGONFLY WILL GAILY SPREAD MY LOVE...” (the insect motives in M.A. Kuzmin’s love poetry in 1910–1920)

Oksana Gennadyevna SHEINA, Kursk Regional Museum of local lore, Kursk, Russian Federation, Research Worker, e-mail: aksinya@mail.ru

The images of winged insects as a motif of flight manifestation in Kuzmin’s poetry are considered. The flight is represented as an essential way to transfer from the real to unreal world. Special attention is devoted to the concept of mysterious world in which the lyric hero is staying and the contamination of ancient Greek and Slavic traditions in the image of wings realization. The main images of winged insects (butterfly, moth, bee) which is significant for Kuzmin’s poetry of 1910–1920 are defined. The image of winged ancient Greek goddess Psyche is contrastively analyzed in the poems “Angel evangelizing” (1919) and “Fidesapostolica” (1921). The variants of this image represent the manifestation of “capricious syncretism” in Kuzin’s poetry. The motif of insect’s movement and stopping, correlating with the human soul’s motion and achievement the emotional aim, is analyzed in poems basing on the examples of poems “Come to me quickly, Teodor and Conrad...” (1924) and “On the ground children dance...” (1921). Phonetic peculiarities in the poem “To the black rainbow of fly’s wing” (1921) are considered, the role of different kinds of rhyme in the text structure is defined. The metaphoric capability to fly is denoted as one of the main characters of amorous man in M.A. Kuzmin’s prose and poetry.

Key words: M.A. Kuzmin; flight motif; images of insects; ancient mythology; amorous poetry.

УДК 82(091)

ПИСАТЕЛЬСКИЙ ДНЕВНИК А.В. ЖИГУЛИНА В ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

© Владимир Васильевич КОЛОБОВ

Воронежский государственный университет, г. Воронеж,
Российская Федерация, кандидат филологических наук,
преподаватель кафедры связей с общественностью,
e-mail: vvkolobov2015@yandex.ru

Рассмотрена закономерная связь пространственно-временных координат в дневнике выдающегося поэта и прозаика, бывшего узника сталинских лагерей, уроженца Воронежского края А.В. Жигулина (1930–2000). Уточняется периодизация творческого пути писателя, выявляются особенности хронотопа в его дневниковых книжках, которые он начал вести в 1954 г., еще находясь в местах лишения свободы как «враг народа». Определены основные темы повествования (собственное творчество, литературный процесс в целом, события в стране и мире, личная и семейная жизнь). Подчеркивается уникальный характер, культурно-историческая ценность труда известного писателя. Записные книжки и рабочие тетради А.В. Жигулина, поступившие в 2011–2013 гг. на постоянное хранение вместе с другими материалами писательского архива в Воронежский литературный музей им. И.С. Никитина, открывают новые, ранее неизвестные страницы его жизни и творчества, вносят дополнительные штрихи в историю отечественной журналистики и литературы. Писательский дневник А.В. Жигулина объективно и закономерно отражает отношение демократической части советской интеллигенции к общественно-политическим и социально-культурным процессам, которые происходили в нашей стране во второй половине XX в. Сделан вывод о целесообразности подготовки научного издания данного литературно-исторического документа с соответствующими комментариями специалистов.

Ключевые слова: А.В. Жигулин; дневник; хронотоп; история отечественной журналистики и литературы.

Писательский дневник А.В. Жигулина [1] – уникальное явление в духовной и культурной жизни общества советского и постсоветского периода. Как и дневники других русских писателей, например, Л.Н. Толстого, Н.Г. Чернышевского, Н.А. Добролюбова, А.П. Чехова, А.А. Блока, В.Я. Брюсова, И.А. Бунина, А.Т. Твардовского, жигулинский дневник отражает конкретное время, дает богатейшее представление о развитии личности автора, его социально-политических, философских и художественно-эстетических взглядах, отношении к различным событиям в стране и мире. То есть, по определению М.М. Бахтина, представляет собой одну из основных форм хронотопа – изображение (отражение) времени и пространства в художественном произведении в их единстве, взаимосвязи и взаимовлиянии [2, с. 234-407].

Очень важным обстоятельством является то, что события в дневнике описываются не беспристрастным хронистом, а профессиональным писателем, мастером слова, активным участником литературного процесса. И с этой точки зрения труд А.В. Жигулина имеет огромную культурно-историческую и литературно-эстетическую ценность.

Невольно вспоминаются слова М.Ю. Лермонтова о том, что «история души человеческой <...> едва ли не любопытнее и не полезнее истории целого народа, особенно когда она – следствие наблюдений ума зрелого над самим собою и когда она писана без тщеславного желания возбудить участие или удивление» (предисловие к «Журналу Печорина») [3, с. 339].

Судьбу Анатолия Владимировича Жигулина с полным основанием можно назвать счастливой и одновременно драматичной, полной невзгод и лишений [4]. Он родился 1 января 1930 г. в Воронеже в семье служащих. Стихи начал писать, еще учась в школе. Первые публикации в местной прессе появились весной 1949 г. В сентябре 1949 г. студент первого курса Воронежского лесотехнического института А.В. Жигулин был арестован и объявлен «врагом народа» за участие в подпольной антисталинской организации Коммунистическая партия молодежи (КПМ). Пройдя тюрьмы и лагеря, перенеся тяжелейшие испытания, чудом выжив на урановых рудниках, он сумел сохранить в себе человеческое достоинство, талант, веру

в добро и справедливость, реализовать свои юношеские мечты в творчестве.

В 1959 г. в Воронеже вышел в свет первый сборник его стихов «Огни моего города». В марте 1962 г. А.В. Жигулин был принят в Союз писателей СССР. В 1963 г. вышел в свет его первый «московский» сборник стихов – «Рельсы», который собрал множество положительных отзывов критики. В том же году А.В. Жигулин поступает на Высшие литературные курсы Союза писателей СССР и переезжает на постоянное место жительства в Москву. При этом Воронеж навсегда остался для него духовной и физической колыбелью.

В середине 1970-х гг. в литературной критике об А.В. Жигулине сложилось устойчивое представление как о большом советском поэте, ярком выразителе «трудной темы» [5, с. 136-143]. Творчество А.В. Жигулина было востребовано не только в России. Его стихи были переведены на английский, французский, немецкий, японский, болгарский, венгерский, испанский, китайский, польский и другие языки мира.

Среди основных поэтических сборников А.В. Жигулина – «Огни моего города» (1959), «Костер-человек» (1961), «Рельсы» (1963), «Память» (1964), «Полярные цветы» (1966), «Прозрачные дни» (1970), «Полынный ветер» (1975), «Горящая береста» (1977), «Соловецкая чайка» (1979), «Калина красная – калина черная» (1979), «Жизнь, нечаянная радость» (1980), «Воронеж, Родина, Любовь» (1982), «Из разных лет, из разных далей» (1986), «Весеннее имя» (1987), «Белый лебедь» (1988), «Летающие дни» (1989).

Главной книгой своей жизни А.В. Жигулин считал автобиографическую повесть «Черные камни» (1988), в которой он поведал о своей «сибирско-колымской одиссее».

Как свидетельствуют дневники, еще в «застойные» годы поэт прочитал официально опубликованные и самиздатские произведения А.И. Солженицына и В.Т. Шаламова и был поражен их глубиной и художественной мощью. Естественно, он не мог пройти мимо жизненного и философского опыта Ф.М. Достоевского, которому тоже пришлось четыре года провести «во глубине сибирских руд». Корни «лагерной» прозы уходили вглубь русской истории – в XVII в., к страстной исповеди протопопа Аввакума, который описал

все ужасы заключения (холод и голод, унижения и оскорбления, смерть и болезни, падение нравов) и торжество несломленного духа. И еще дальше – к переписке царя Ивана Грозного с первым русским «диссидентом» князем Андреем Курбским, к «Слову о полку Игореве» и «Повести временных лет».

Тюрьма, каторга, плен, ссылка на протяжении многих веков сопутствовали жизни многострадального русского народа. Не случайно в русском языке немало пословиц и поговорок на эту тему: от сумы и от тюрьмы не зарекайся; в тюрьму двери широки, а обратно узки; пошел к куме, да засел в тюрьме; кому тюрьма, а кому дом родной; тюрьма по ком-то плачет и т. д.

Попав в Сибирь, а затем на Колыму, А.В. Жигулин стал заинтересованно изучать лагерный фольклор: блатные (а по-существу, народные) песни, анекдоты, шутки, «переводы» отдельных слов, произнесенных на «фене». «Сколько слов, каких ни у Даля и нигде не найдешь!» – искренне восторгался он впоследствии, стараясь восстановить по памяти услышанное и увиденное «по ту сторону колючки».

Сразу после освобождения А.В. Жигулин, по собственным словам, «не умевший толком писать ни стихи, ни прозу», с присущей ему аккуратностью и вниманием к деталям зафиксировал в дневнике воспоминания о наиболее важных событиях своей жизни.

Спустя 30 лет эти записи очень пригодились ему в работе над «Черными камнями». Изданная многомиллионным тиражом в нашей стране и за рубежом, повесть А.В. Жигулина стоит в одном ряду с такими широко известными произведениями, как «Архипелаг ГУЛАГ» А.И. Солженицына, «Колымские рассказы» В.Т. Шаламова, «Дети Арбата» А.Н. Рыбакова, «Жизнь и судьба» В.С. Гроссмана, «Новое назначение» А.А. Бека, «Крутой маршрут» Е.С. Гинзбург, «Московская сага» В.П. Аксенова, рассказывает нелегкую правду о трагической истории страны, и в этом плане является убедительным «документом», свидетельствующим о страшных преступлениях тоталитарного сталинского режима.

Не случайно поэт Е.А. Евтушенко назвал эту повесть «неоценимым свидетельством на суде истории», а воронежский писатель Г.Н. Троепольский взволнованно признавал-

ся автору: «Ты написал не просто воспоминания, а кровью сердца окропленные строки. В нашей литературе этого «жанра» не было. Теперь же он пробивается сквозь кору потрескавшейся за много лет почвы, на которой буйно росли бурьяны-романы и стихов пырей ползучий...» [6].

Другой земляк А.В. Жигулина – писатель Э.И. Пашнев – писал: «Толя, ты заполнил пустую социальную нишу эпохи. Ты реабилитировал поколение, которое считалось рабским и безъязычным. Москва, июль 1988 года» [6].

Эпистолярное наследие А.В. Жигулина, которое только сейчас становится доступным исследователям его творчества, поражает глубиной, уникальностью и объемом эмпирического материала. Это сотни дневниковых книжек и рабочих тетрадей, тысячи читательских писем и писем самого поэта различным адресатам.

Анатолию Владимировичу Жигулину, как и многим выдающимся писателям XX в., еще с юности было свойственно чувство собственной значимости в литературном мире. Вести дневник на постоянной основе он начал, еще находясь в местах лишения свободы, как только это стало возможным.

«Писать в небольших записных книжках Анатолий начал с 1954 г., когда его привезли с Колымы в один из воронежских лагерей в связи с пересмотром дела молодежной антисталинской организации, – вспоминала И.В. Жигулина, супруга и верный друг поэта. – Первые две записные книжки (№ 1 и № 2) написаны карандашом. Первая книжка почти вся посвящена поэзии. Он восстанавливает первые строчки стихов, написанных в тюрьме во время долгого следствия 1949–1950 гг., в лагере (без объяснения, что это за строчки). Тексты из осторожности не записывались. Он жадно пытается писать новые стихи, делает вольные переводы из Горация, размышляет о поэзии, о жизни, но ни слова – о лагерном прошлом...»

...Записная книжка № 2 – как пульсирующее обнаженное сердце. Он уже откровенно пишет о своих мучительных ощущениях, сомнениях. Делает записи о Колыме, о военном детстве... 21 июля начспецчасти сообщает, что завтра – освобождение. 22 июля Жигулин с двумя товарищами вышел за ворота лагеря – закончился еще один тяжкий

отрезок жизни. Закончена записная книжка № 2» [7].

А вот как об этом рассказывает сам автор: «7 апреля 1969 года, понедельник. Нынче исполнилось 15 лет моему дневнику. Начал я его еще в заключении. Правда, к сожалению, не в Сибири и не на Колыме, а в Воронеже, куда меня (да и нас всех) привезли на переследствие. В родном городе, за высокой кирпичной стеной 020-й колонии, которая примыкает к знаменитой воронежской городской тюрьме, и начал я эти записи, этот дневник. А в сибирских и колымских лагерях любые записи строго были запрещены. Местный воронежский лагерь после Колымы казался раем: ни номеров нет на спинах; ни злых собак, ни лютых конвоиров. Почти воля. Тем более, что видны были трамваи, бегущие по мосту у Заставы. Мы ждали нового решения по нашему делу. Две первые дневниковые книжки содержат очень осторожные, туманные записи. Ведь и на 020-й дневники тоже были запрещены. Существовала особая статья в УК РСФСР, предусматривающая наказание за разглашение сведений о местах заключения. Но я все-таки начал тайно вести дневник. Он уцелел только потому, что в день освобождения, 22 июля 1954 года, нас перед выходом за ворота обыскали формально, на скорую руку...».

По свидетельству современников, А.В. Жигулин и в жизни, и в творчестве был очень аккуратным, можно даже сказать, педантичным человеком. Это его качество проявилось и в процессе ведения дневника. На титульном листе каждой тетради или блокнота каллиграфическим почерком автора сделана надпись: «Дневниковая книжка номер... Начата... Окончена... Принадлежит поэту, члену Союза писателей СССР... В случае нахождения утерянной книжки-тетради просьба сообщить, возвратить. Дом. телефон... Адрес...».

Литературный критик Ал. Горловский рассказал о том, как однажды он попросил поэта подарить ему черновик какого-нибудь стихотворения. А.В. Жигулин распахнул дверцы книжного шкафа, стоящего за его спиной, и критик увидел плотно прижатые одна к другой тетради и записные книжки.

«Не десятки – сотни штук, – вспоминал Ал. Горловский. – Последняя имела порядковый номер, кажется, 516. В этих тетрадях и

были черновики Жигулина, черновики, в которых отразился весь процесс работы над стихотворением... И стала понятной цена той кажущейся легкости и простоты жигулинских стихов, когда каждое стихотворение словно бы написалось или вылилось сразу» [8].

В дневнике А.В. Жигулин чаще всего выступает в роли субъекта и объекта повествования одновременно, записывая по свежим следам свои наблюдения и впечатления. В тех случаях, когда он не мог быть в центре того или иного события в силу его пространственной или временной удаленности, он использует метод реконструкции.

Приведем еще несколько записей, свидетельствующих о том, какое важное значение автор придавал своему дневнику.

«11 апреля 1965 года, воскресенье.

<...> Решил продолжить дневник, чтобы как можно больше сохранить жизненного материала, который так нелепо и быстро утекает, как вода между пальцами. Я не ценил его. А ведь все это очень нужно для работы, все-все, буквально, вся жизнь! Надо внимательнее наблюдать жизнь и людей, и записывать все, ежедневно, неутомимо».

«29 мая 1967 года, понедельник.

Эту новую записную книжку-дневник начинаю утром сего дня в вагоне метро. Еду на работу, опаздываю (с 21 марта по 1 августа 1967 г. А.В. Жигулин работал в редакции «Литературной газеты». – В. К.). В последние дни снова решил перейти к дневниковым книжкам малого формата. Они удобнее, чем большие тетради – можно носить с собою, можно писать, как сейчас в метро, не тратя драгоценного времени. <...> Большие и малые дневниковые книжки будут идти, как и раньше, параллельно. Авось историки разберутся в хронологии, хотя, впрочем, вряд ли это понадобится. Если буду жить до 90 лет, как Эренбург, сотни этих книжек (я прибавляю сюда лагерные записи, рабочие тетради, словари «фени» и прочее), конечно, пригодятся».

«14 сентября 1968 года, суббота.

<...> Читая старые дневники, убедился в их несовершенстве. Краткие записи порой не вызывают никаких воспоминаний. Что может, например, сказать такая запись: «беседовал с Батуевым» (*Батуев В.В. – друг и соратник А.В. Жигулина по «делу КПМ». – В. К.*). Да я с ним миллион раз беседовал! А о

содержании бесед теперь можно только догадываться. Но – увы! – всего не опишешь и все не запишешь при всем желании».

Содержание дневника А.В. Жигулина, как и его творчество, можно условно разделить на четыре периода. Стоит отметить, что в целом мы согласны с периодизацией литературной деятельности А.В. Жигулина, предложенной Г.В. Марфиным:

1 период: становление героя в процессе испытаний и познания жизни (конец 1950-х – середина 1960-х гг.);

2 период: обретение устойчивости в пространстве и времени (середина 1960-х – 1970-е гг.);

3 период: поиск устойчивости в пространстве истории (1980-е гг.);

4 период: утрата найденной гармонии (1990-е гг.) [9].

Вместе с тем, мы считаем, что предложенная структура периодизации (особенно первого и второго периодов) нуждается в определенной корректировке [10, с. 95-98.].

Основными темами дневника А.В. Жигулина с 1954 по 2000 г. являются: собственное творчество (от замысла поэтических или прозаических произведений – до их практического воплощения), литературный процесс в целом, общественно-политические, социальные и культурные события в стране и мире, личная (семейная) жизнь.

Как показывает анализ, основная часть текста в дневнике А.В. Жигулина посвящена первой и второй темам. Однако большое внимание автор уделяет третьей и четвертой темам.

Ниже представлен далеко не полный перечень упоминаемых событий, фактов, фамилий известных политиков и деятелей культуры:

– вторая половина 1950-х гг. – завершение сталинского периода, XX съезд КПСС, начало хрущевской «оттепели», кампания по освоению целины, И.В. Сталин, Л.П. Берия, Н.С. Хрущев;

– в 1960-е гг. – полет Ю.А. Гагарина в космос; война во Вьетнаме; «Пражская весна» в Чехословакии (1968); забастовка рабочих в г. Новочеркасск Ростовской области 1–2 июня 1962 г.; Н.С. Хрущев, В.М. Молотов, Л.И. Брежнев;

– в 1970-е гг. – период застоя, полеты космических кораблей «Союз» (СССР) и

«Аполлон» (США); кино – «17 мгновений весны» (режиссер Т.М. Лиознова), «Бег» (режиссеры А.А. Алов и В.Н. Наумов), «Ирония судьбы, или С легким паром!» (режиссер Э.А. Рязанов); Л.И. Брежнев, А.Д. Сахаров, Ричард Никсон, Джимми Картер, Мао Цзэдун, Индира Ганди, Фидель Кастро;

– в 1980-е гг. – пик периода застоя, Афганская война (1979–1989), авария на Чернобыльской АЭС (1986), падение коммунистических правительств в Восточной Европе (1989–1991), профсоюз Солидарность в Польше (1980), революции в Чехословакии, Румынии, Венгрии (1989), падение Берлинской стены (1989), политика жесткой экономики, перестройка, антиалкогольная кампания в СССР (1985–1988); Л.И. Брежнев, Ю.В. Андропов, К.У. Черненко, М.С. Горбачев, Рональд Рейган, Джордж Буш, Маргарет Тетчер, В.В. Высоцкий;

– в 1990-е гг. – объединение Германии (1990), распад Советского Союза и создание СНГ (1991), завершение «холодной» войны (1991), выборы Президента РСФСР 12 июня 1991 г., попытка государственного переворота в СССР 19 августа 1991 г., либерализация цен, начало радикальных экономических реформ (январь 1992 г.), Первая и Вторая чеченские войны, экономический кризис (август 1998 г.); М.С. Горбачев, Б.Н. Ельцин, А.Д. Сахаров, В.С. Черномырдин, Е.Т. Гайдар, Г.А. Зюганов, А.И. Лебедь.

Не вызывает удивления тот факт, что в молодости А.В. Жигулин в дневнике уделял большое внимание личной жизни, в зрелые годы – творческому процессу (сочинение стихов, хождения по редакциям газет и журналов, издание книг), а в 1990-е гг. – общеполитическим, экономическим и глобальным мировым проблемам. По дневнику поэта можно получить объективное представление об отношении демократической части советской интеллигенции к горбачевской перестройке, распаду СССР, созданию СНГ и другим неоднозначным событиям конца XX в.

В последние годы, несмотря на резкое ухудшение здоровья, А.В. Жигулин не оставил надежды написать мемуары о прожитой жизни, о своей судьбе, о современниках. Он все чаще обращался к своим дневникам, письмам и рабочим тетрадям, перечитывал их, делал новые записи. Он уже обдумывал

контуры новой книги, которая в случае реализации замысла, безусловно, была бы не менее значимой и интересной, чем «Черные камни». Но, к сожалению, этим планам не суждено было сбыться.

А.В. Жигулин умер 6 августа 2000 г. после тяжелой и продолжительной болезни. Похоронен на Троекуровском кладбище столицы.

В дни траура телеграмму с соболезнованиями вдове и сыну писателя прислал президент России В.В. Путин: «Анатолий Владимирович был человеком с непростой, драматичной судьбой. Но никакие тяготы и лишения не смогли сломить его творческую волю. Он стал одним из первых литераторов, открыто рассказавших страшную, но такую необходимую правду о недавнем прошлом нашей страны. Память об Анатолии Владимировиче навсегда остается в сердцах благодарных читателей, коллег, друзей».

Память об Анатолии Владимировиче Жигулине жива на его малой родине. Его именем названы одна из городских улиц и библиотека семейного чтения № 9 на левом берегу Воронежа. На доме по улице Студенческая, 32, где он когда-то жил, открыта мемориальная доска. В год 85-летия поэта комиссия по культурному наследию при администрации городского округа город Воронеж приняла принципиальное решение об установке памятника А.В. Жигулину в областном центре (осталось найти финансовые средства на эти цели), прошли Жигулинские чтения, в областном литературном музее им. И.С. Никитина, где теперь хранится писательский архив, состоялось открытие выставки, посвященной знаменитому поэту-земляку.

Учитывая масштаб личности и таланта А.В. Жигулина, его вклад в отечественную культуру, было бы целесообразно, на наш взгляд, в ближайшие годы начать подготовку научного издания его писательского дневника. По нашему мнению, реализация этого проекта могла бы стать заметным явлением не только в литературоведении, но и в духовной жизни нашей страны.

1. *Жигулин А.В.* Материалы писательского архива (дневники, рабочие тетради, письма) // Фонд Воронежского областного литературного музея им. И.С. Никитина.

2. *Бахтин М.М.* Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
  3. *Лермонтов М.Ю.* Собрание сочинений: в 4 т. Т. 4. Проза. Письма. Москва; Ленинград, 1962.
  4. *Колобов В.В.* Жигулинский век. Документальная повесть. Воронеж, 2011.
  5. *Акаткин В.* У поэта есть судьба: К 50-летию А. Жигулина // Подъем. 1980. № 3.
  6. *Огрызко В.* «Трудная тема, а надо писать». Анатолий Жигулин размышляет над читательской почтой // Книжное обозрение. 1988. 18 ноября.
  7. *Жигулина И.* Золотое злое время, я любил тебя всегда... // Литературная газета. 2000. 31 декабря.
  8. *Горловский Ал.* Поэзии горящая свеча // Вопросы литературы. 1983. № 12.
  9. *Марфин Г.В.* Человек и мир в лирике А. Жигулина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2003.
  10. *Колобов В.В.* К вопросу о периодизации творчества Анатолия Жигулина // Коммуникация в современном мире: материалы Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы массовой коммуникации» / под общ. ред. В.В. Тулупова. Воронеж, 2012.
-
1. *Zhigulin A.V.* Materialy pisatel'skogo arkhiva (dnevniki, rabochie tetradi, pis'ma). Fond Voronezhskogo oblastnogo literaturnogo muzeya im. I.S. Nikitina.
  2. *Bakhtin M.M.* Formy vremeni i khronotopa v romane. Ocherki po istoricheskoy poetike // Voprosy literatury i estetiki. M., 1975.
  3. *Lermontov M.Yu.* Sbranie sochineniy: v 4 t. T. 4. Proza. Pis'ma. Moskva; Leningrad, 1962.
  4. *Kolobov V.V.* Zhigulinskiy vek. Dokumental'naya povest'. Voronezh, 2011.
  5. *Akatkin V.* U poeta est' sud'ba: K 50-letiyu A. Zhigulina // Pod'em. 1980. № 3.
  6. *Ogryzko V.* "Trudnaya tema, a nado pisat'". Anatoliy Zhigulin razmyshlyaet nad chitatel'skoy pochtoy // Knizhnoe obozrenie. 1988. 18 noyabrya.
  7. *Zhigulina I.* Zolotoe zloe vremya, ya lyubil tebya vseгда... // Literaturnaya gazeta. 2000. 31 dekabrya.
  8. *Gorlovskiy Al.* Poezii goryashchaya svecha // Voprosy literatury. 1983. № 12.
  9. *Marfin G.V.* Chelovek i mir v lirike A. Zhigulina: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Voronezh, 2003.
  10. *Kolobov V.V.* K voprosu o periodizatsii tvorchestva Anatoliya Zhigulina // Kommunikatsiya v sovremennom mire: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Problemy massovoy kommunikatsii" / pod obshch. red. V.V. Tulupova. Voronezh, 2012.

Поступила в редакцию 04.12.2015 г.

UDC 82(091)

A.V. ZHIGULIN'S WRITER DIARY IN HISTORICAL AND LITERARY CONTEXT

Vladimir Vasilyevich KOLOBOV, Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation, Candidate of Philology, Lecturer of Public Relations Department, e-mail: vvkolobov2015@yandex.ru

The natural connection of space-time coordinates in the diary of the eminent poet and writer, former prisoner of Stalinist camps, the native of the Voronezh region A.V. Zhigulin (1930–2000) are examined. Periodization of writer's creative path is specified, the features of the chronotope in his diary, the books that he started in 1954, while still being in prison as an "enemy of the people" are identified. The main themes of the narrative (his own work, a literary process as a whole, the events in the country and the world, personal and family life) are identified. The unique nature, cultural and historical value of famous writer's works are emphasized. Notebooks and workbooks of A.V. Zhigulin, received in 2011–2013 for permanent storage together with other materials from writer's archive in the Voronezh literary Museum of I.S. Nikitin, and open up new, previously unknown pages of his life and work, extra touches to the history of Russian journalism and literature are made. A.V. Zhigulin's writer diary objectively and naturally reflects the attitude of the democratic part of the Soviet intelligentsia to the socio-political and socio-cultural processes that occurred in our country in the second half of XX century. The conclusion is made on preparation expediency of literary and historic document with commentaries of specialists.

Key words: A.V. Zhigulin; diary; chronotope; history of Russian journalism and literature.

УДК 808.2(035.5)

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ ПРОСТРАНСТВА В ПОЭЗИИ Е.И. ХАРЛАНОВА

© Надежда Геннадиевна СЕРЕБРЕННИКОВА

Тамбовский государственный технический университет, г. Тамбов,
Российская Федерация, кандидат филологических наук,
доцент кафедры русской филологии,
e-mail: nadegda_korrespondensija@mail.ru

Проанализирован художественный образ пространства в стихотворных текстах Е.И. Харланова. Актуальным является исследование творчества этого тамбовского поэта, т. к. содержательной стороне его текстов посвящено мало научных работ. Обращение к художественному образу пространства обусловлено тем, что этот образ занимает центральное место в творчестве поэта. Основным методом исследования является герменевтический метод, предполагающий процесс постижения смысла текста. Проанализированы стихотворения Е.И. Харланова, вошедшие в сборник «У придорожного камня»: «Лошадь в сумерках», «По самому краешку лета...», «На даче», «Ковер-сон». На примере анализа данных стихотворений сделан вывод о том, что пространство в поэзии Е.И. Харланова является сложным и многомерным. Способ изображения пространства многое говорит о мировоззрении автора. Без вдумчивого анализа этого понятия невозможно в полной мере разгадать сложный философский смысл харлановской поэзии. Для Е.И. Харланова окружающий мир часто предстает в виде соединения нескольких пространств, которые могут быть как обычными материальными, так и ирреальными, созданными воображением поэта. В каждом конкретном стихотворении образ пространства часто служит способом передачи основного смысла текста.

Ключевые слова: пространство; поэтическое творчество; художественный образ; стихотворный текст.

Поэзия замечательного тамбовского поэта Е.И. Харланова до сих пор недостаточно изучена. Работ, посвященных его творчеству, незаслуженно мало [1; 2, с. 45; 3–5]. Между тем сила и глубина содержания харлановских стихов удивительна, а поэтическая форма легка и невероятно сложна одновременно. В его творчестве философские размышления облечены в утонченно-изысканную форму ярких, запоминающихся поэтем.

Е.И. Харланова справедливо считают основателем поэтической школы. Так, поэт и ученый В.Г. Руделев пишет: «Для того чтобы образовалась чья-то поэтическая школа, нужно, чтобы у ее основателя или начинателя был талант – необыкновенный, огромный, всеобъемлющий, зажигающий, таинственный, словно внушенный откуда-то свыше, больше дарованный, чем приобретенный. Подобный талант обычно усиливается хорошим, разносторонним образованием и воспитанием, развитием, стремлением осмыслить Мир. Теперь уже совсем ясно, что именно таким талантом обладал Евгений Иванович Харланов (1943–1993); свой талант он осознал, гордился им и – страдал, видя свою неприкаянность и избыточность во всем

суетном круженье, понимая отдаленность своего звездного Времени...» [6, с. 7]. Наверное, действительно, «звездное время», слава поэта еще не наступили в полной мере. Е.И. Харланов принадлежит к числу тех загадочных художников слова, которые живут в другом временном измерении, нежели их читатели. Вроде бы и рядом, вроде бы в той же «провинциальной тесноте» [7, с. 7], но в то же время не здесь, а – в будущем, в каких-то иных нереальных пространствах. Может быть, только сейчас многие из нас начинают по-настоящему открывать для себя этого поэта. Кому-то его стихи даются легко, а кому-то требуется приложить немало усилий, чтобы понять изящную, естественную и неповторимую харлановскую сложность.

Особенности творческой манеры и сама личность автора не раз приковывали к себе внимание тех людей, которые лично его знали. Например, В.Г. Руделев написал стихотворение, где рассказывается о его встрече с Е.И. Харлановым за чашкой чая. Там есть такие строки о Е.И. Харланове: «Его раскатистое эхо / бурило дыры в потолках / и разливалось жарким смехом / в Кривых Пространствах и Веках» [8, с. 55]. Эту удиви-

тельную связь Е.И. Харланова с космическими пространствами, с временными искажениями, с некими загадочными лабиринтами сознания не раз подмечали его друзья и читатели. Е.Н. Писарев говорил, что, читая стихи Е.И. Харланова, чувствуешь, будто находишься «на сквозняке времен» [7, с. 7]. Не удивительно, что время и пространство, как динамичные и разнообразные художественные образы, занимают такое место в творчестве поэта. Именно они помогают создать образ главного лирического героя Е.И. Харланова. Так, В.Г. Руделев справедливо отмечает, что Е.И. Харланов мог «в простом, подчас рядовом явлении увидеть связь времен и пространств, диалектику Бытия, космическое назначение человека и все прочее, что только можно увидеть, пристально вглядываясь в то, что дано в ощущениях и осмыслениях» [6, с. 15].

В данной работе пойдет речь о художественном образе пространства, хотя пространство, как уже замечалось, в творчестве Е.И. Харланова тесно связано со временем. Однако в рамках одной статьи представляется трудным рассмотреть подробно столь сложные художественные образы. К тому же, пространство у поэта в какой-то мере объясняет и время, поэтому образ пространства у Е.И. Харланова имеет, если можно так сказать, большую объяснительную силу. Время зависит от пространства. Как справедливо отмечает И.В. Подольская, «время ему часто представлялось в пространственных образах» [1, с. 77].

Для Е.И. Харланова пространство практически всегда предстает многослойным, многомерным, неоднородным и изменчивым. Обычное пространство, наполненное материальными объектами, т. е. то, которое находится вокруг нас, соседствует с другими нереальными пространствами фантазий, воспоминаний, снов и видений. Но эти ирреальные пространства доступны восприятию поэта. Вот почему он не только видит и ощущает их, но и может перемещаться в эти фантазийные миры силою своего воображения. Для Е.И. Харланова ирреальный мир всегда рядом, и даже если сразу не обнаруживается, то затем «наплывает» на читателя, захватывая область привычного материального пространства, подчиняя его себе, в силу чего читатель уже не может подчас отличить

реальное от фантастического и признает ирреальное гораздо более значимым. Этого поразительного эффекта практически всегда добивается Е.И. Харланов, но для него это естественно, т. к. поэт видит мир иначе, чем другие.

Пространство в поэзии Е.И. Харланова всегда сложно. Даже если обычное пространство не граничит с ирреальным, то оно предстает в виде многослойной формы. Например, поэт видит, что за пространством роши есть непонятное пространство сумрака или ночи, а за ночью – пространство целого мира, космическое пространство. Человеку только кажется, что он находится в роще, а на самом деле он связан с мирами таинственными, огромными и непостижимыми и, как часть этих миров, он способен ощущать то, что ощущают другие живые существа и даже весь необъятный мир. Именно это чувство передает поэт в стихотворении «Лошадь в сумерках».

В сумраке роща увязла.
Сумрак в ушах
шелестит.
Смутно
у темного вяза
лошадь
хрустит и грустит.

Кляксою
в войлоке ночи
Лошадь почти расплылась,
только алмазные
очи
тихо сияют
сквозь нас.

Словно никто не заброшен,
словно
никто не забыт.
Мир,
как огромная лошадь,
тихо
хрустит и грустит...

(«Лошадь в сумерках») [7, с. 41-43].

Перед нами, казалось бы, обычная картина – пространство роши и лошадь, стоящая под темным вязом. Однако пространство роши находится внутри другого, тоже вполне материального пространства – сумрака. Самостоятельность и вещественность этого пространства подчеркивается глаголами «увязла» и «шелестит». Роща увязла в су-

мраке как в некоей субстанции, а шелест, посредством метонимического переноса, мыслится как принадлежащий не деревьям, а именно сумраку. Итак, за обычным пространством роши видится загадочное пространство ночи, причем ночь поглощает рошу, обволакивает ее. В этом непонятном пространстве сумрака искажаются и видятся совсем другими вещи и живые существа. Например, лошадь в этой субстанции «расплывается», словно вырастая до гигантских размеров, и представляется огромной кляксой на мягком таинственном войлоке. Но здесь присутствует не только визуальное ощущение. Чувства лошади изоморфны чувствам автора. Она не просто «хрустит», стоя под деревом, но еще и «грустит», задумавшись, словно сам поэт. А может быть, другие существа способны ощущать то же, что и человек. Просто автору дано это осознать. А может быть, лошади дано понять поэта, потому что все в мире взаимосвязано, одно переходит в другое и становится другим. Не случайно «алмазные» глаза лошади «тихо сияют сквозь нас», словно проходят сквозь человека, передавая ему свои ощущения или, наоборот, впитывая человеческие. Лошадь – как человек, как весь огромный мир, как космос. Лошадь, попадая в таинственное пространство сумрака, расплывается, растворяется в нем, и сама уже становится этим миром, впитывает в себя его «заброшенность» и «забытость», пропускает сквозь себя чувства целой Вселенной и отдельного человека – поэта, который стоит в сумраке роши.

Так осознание того, что окружающее пространство сложно и многослойно, дает поэту удивительное видение поразительного единства природы вещей, дает ему возможность ощутить себя не просто частью космоса, мира, но понять, как мыслит и чувствует этот мир.

Обычное пространство в поэзии Е.И. Харланова часто граничит с ирреальным, причем граница эта обозначается вполне четко, превращаясь в художественный образ. Такой прием использует поэт в стихотворении «По самому краешку лета...». Уже в первой строке стихотворения автор прибегает к подобной метафоре.

По самому краешку лета,
где пыль, где махорка растет,

с глазами табачного цвета
идет восхитительный кот.

Он вправо и влево шагает.
Посмотрит – а там никого.
Поэтому всюду слагает
стихи про себя самого [7, с. 67].

Оказывается, что кот не просто гуляет по пыльной тропинке, поросшей махоркой, – он идет по границе миров – реального и какого-то иного. Сразу в данном случае возникает четкая ассоциация с пушкинским сказочным котом. Однако чувства, вызываемые стихотворением Е.И. Харланова, несколько иные. И в пушкинской поэме, и в харлановском стихотворении кот принадлежит к неким поэтическим сферам и сам является поэтом. Но кот Е.И. Харланова более современен, поскольку в его «творчество» вплетаются современные мотивы – пустота («Посмотрит – а там никого») и связанный с этим определенный эгоцентризм («Поэтому всюду слагает / стихи про себя самого»). Эта необычная передача чувств современного поэта достигается за счет все того же соотношения некоего живого существа с пространством, в котором оно существует. Кот не просто идет по тропинке, а гуляет по границе обычного и ирреального миров, причем граница эта названа «краешком лета». У Е.И. Харланова лето очень часто понималось просто как время, хотя и весьма своеобразно. Например, И.В. Подольская об этом пишет: «Время дискретно, и в силу этого оно наблюдаемо, оно производно от событий, некоторые из которых стали словно частью Времени (Весна, Лето, Осень, Зима, День, Вечер, Ночь, Утро). События имеют инвариантный характер, в силу этого они повторяются на круге Времени» [1, с. 57]. Но в данном стихотворении лето – это не только время, но еще и определенное пространство, которое имеет четкую границу с непонятным, фантастическим пространством творчества, «дремучих дебрей души».

Кругами планидными ходит.
Робеешь – за ним не спешит.
Он сказкой да песней заводит
в дремучие дебри души [7, с. 67].

Благодаря умению находиться на границе нескольких пространств, кот Е.И. Харланова приобретает способность отражать в

себе весь мир – прошлый и современный, обыденный и ирреальный во всем его многообразии: «Весь мир и живой, и громадный / сияет в глазах у кота!» [7, с. 67].

Обыденное, привычное для нас пространство и ирреальное часто находятся рядом, но ирреальное пространство многомерно, оно как бы расширяется по спирали, поглощая поэта. Такова структура пространства в стихотворении «На даче».

На даче тихо... С пустоты,
висячей и стоймя стоящей,
горят высокие цветы
в истоме, страхи бердящей.

От этой праздности, от дум,
причудливых,
как сны возницы,
кто знает, что придет на ум,
какие помыслы возникнут.

Бродячий пес в цветке тряпья,
как шмель мохнатый, спит и дышит
и в жаркой дреме
чуть колышет
глухие тайны бытия.

Он едет в легком колесе
из спящего худого тела.
До страшных тайн ему нет дела,
да и его забыли все...

Он только пользуется тем,
что солнце нагревает темя,
что мир еще у легких стен
по-летнему вращает тени.

Он только вздрагивает там,
когда начнут его внезапно
окликать по именам,
уже забытым
безвозвратно...

Так, душу выманив за круг,
где связь миров неощутима,
тебя окликают вдруг,
но давнее
забыл ты имя.

(«На даче») [7, с. 15-16].

Опять, казалось бы, исходя из названия стихотворения, речь должна пойти о привычном для нас мире – даче. Но Е.И. Харланов за обычными вещами и событиями видит тени других миров, проплывающих рядом, поэтому стандартное восприятие ситуации

выражено лишь первой фразой стихотворения: «На даче тихо...». А дальше читатель сразу получает как бы иной угол зрения: «С пустоты, / висячей и стоймя стоящей, / горят высокие цветы / в истоме, страхи бердящей». Оказывается, рядом с привычным пространством сада и огорода соседствует какое-то другое, непонятное «пустое» пространство, о котором поэту дают знать цветы, причудливые живые создания, способные влиять на человека и многое рассказать тому, кто умеет читать их намеки. От осознания присутствия притаившихся рядом непостижимых миров поэту становится немного не по себе, но только немного, т. к. страхи, вызываемые таинственными цветами, скорее, приятные, они пробуждают у поэта интерес узнать, что скрывается за обыденным, привычным для нас пространством. И поэт начинает мечтать, утомленный и убаюканный лучами полуденного солнца. Он замечает спящего бродячего пса, его мысли и чувства передаются псу, поэт вместе с этим существом совершает причудливое путешествие по кругам своей памяти, цепляя при этом, как это всегда бывает во сне, причудливые обрывки различных ассоциаций. Так всплывает в воображении, на первый взгляд, непонятный «возница», который, впрочем, потом оказывается вполне логичным, т. к. поэт и пес во сне движутся, кружат по спирали, словно уснувший возница, описывающий подобные круги уже не по своей воле.

Поэт сравнивает пса со шмелем, уснувшим в цветке. Но пес не просто спит, он «в жаркой дреме / чуть колышет / глухие тайны бытия», т. е. приобщается к неким таинственным мирам. Пес и поэт вместе с ним словно уезжают во время сна за границы обыденного мира. Происходит выход из обычного пространства в ирреальное. Впрочем, автор верит в возможность подобного перемещения. Это ирреальное пространство имеет определенную структуру: оно представлено в виде расширяющихся по спирали кругов, которые постепенно поглощают, затягивают в себя поэта. Вот почему в тексте присутствует образ кольца или круга [9, с. 109]. Это выражено различными словесными формами. Сначала это лишь смутный, едва уловимый намек на движение по кругу – «сны возницы» (здесь же в нашем сознании впервые возникает ассоциация с колесом), затем пес

«едет в легком колесе из спящего худого тела», потом круги расширяются, говорится уже о целом мире, который «у легких стен по-летнему вращает тени», и в конце стихотворения сознание поэта уже уходит за пределы привычного мира вещей, его душу словно выманивают за круг, «где связь миров не ощутима».

Таким образом, ирреальное пространство, в начале стихотворения только намекающее о своем присутствии, как бы открывается, начинаясь с точки вращения – метафорического цветка, в котором засыпает пес. В состоянии дремы для пса и поэта незримое ирреальное пространство обретает очертания и звуки, «легкие стены» мира начинают вращаться, обыденное пространство поглощается ирреальным, оно, как расширяющаяся спираль, затягивает в себя поэта.

Эти удивительные метафоры передают понимание сложного мироустройства, т. к. во время сна поэт может свободно перемещаться из реального пространства в то, которое хранит информацию о прошлом, в котором он жил когда-то. Во сне поэт способен понять или вспомнить, что в других мирах у него были иные имена и обличья. И здесь образ пространства тесно связывается с образом времени, т. к. речь идет о воспоминании, о «забытых» именах. Кстати, время Е.И. Харланов также часто представлял в виде круга. Так, И.В. Подольская пишет: «Е.И. Харланов представлял себе Время... в виде круга, кольца, хоровода событий, обтекающего событие ручья...» [1, с. 56]. Попадая в это пространство-время, имеющее в поэзии, в отличие от научного представления, кольцевую структуру, поэт словно уезжает от самого себя и мысленно уже выходит за границы своего земного существования. Как справедливо замечает И.В. Подольская, перед поэтом открываются «такие пространства, такой мир, в котором он ощущает даже не себя, а свою душу...» [1, с. 73].

Очень часто в поэзии Е.И. Харланова находят рядом обыденное пространство и созданное воображением автора. Границы между ними зыбки, подвижны, миры обычный и фантастический накладываются друг на друга, являя нашему мысленному взору причудливое многообразие. Проникнуть в подобные пространства можно посредством воображения или сна. Е.И. Харланов при

этом мог в совершенстве передать данное ощущение, смутное чувство, возникающее, когда дрема наплывает на еще не совсем погрузившегося в сон человека. Это прекрасно описано в стихотворении «Ковер-сон».

Где крыльями стрекоз окошки стеклены,
тень белены.
Бледнее белены,
ручьи берут начало от луны.

И пьют из них олени со стены,
передо мной не чувствуя вины.
Глаза их смысла лунного полны,
и лунной их зрачки величины...

Через озера ватной тишины
я прохожу, не замочив штаны.
Жирафы тут до млечной вышины.

На плечи мне становятся слоны
и вовсе не сгибают мне спины,
как будто плоской легкостью больны...

Одна старушка ладит мне блины
из лунной пыли, лунной пелены.
Блины ее бесплотны и странны
и смотрятся с одной лишь стороны.

Олени тоже лунные странны –
как в гобелены затканые сны...

(«Ковер-сон») [7, с. 13-14].

Само название стихотворения говорит о том, что речь здесь пойдет о каком-то необычном пространстве. Оно не только фантастическое, но и реальное, поскольку сновидение как бы накладывается на ковер, вплетается в него, т. е. в данном случае соединяются материальное и воображаемое пространства, очертания которых расплываются, смещаются. Таким образом поэт создает новую художественную реальность.

Первые строки стихотворения сразу настраивают читателя на то, что речь пойдет о чем-то необычном, о том, что будет описываться не сама действительность, а впечатление от нее, возможно, очень субъективное. Раньше мы сравнивали творчество Е.И. Харланова с картинами художников-импрессионистов и отмечали следующее: «Как художник-импрессионист может передать свои смутные, неясные, возникающие в его воображении фантазии игрой светотени, так и поэт хотел поймать неуловимое, создавая картины «шатрово сверкающего берега дож-

дя» или ручьев, что «берут начало от луны» [10, с. 277]. Мы не случайно обратили внимание на стихотворение «Ковер-сон», т. к. первые его строки достаточно ярко иллюстрируют эту харлановскую особенность – стремиться передать субъективные мимолетные ощущения: «Где крыльями стрекоз окошки стеклены, / тень белены. / Бледнее белены, / ручьи берут начало от луны. / И пьют из них олени со стены, / передо мной не чувствуя вины. / Глаза их смысла лунного полны, / и лунной их зрачки величины...» Трудно передать подобные строки четкими словесными формами. Но этого и не нужно делать, т. к. художественная точность в описании необычного впечатления в данном случае достигается как раз за счет «размытости» и неопределенности образов. Возможно, поэт видел лунный свет, струящийся в окно, и белые лучи вызывали у него ассоциации с переливающимися ручьями и прозрачными крыльями стрекоз. Лунный свет падал на висящий на стене ковер. В воображении поэта олени, изображенные на ковре, ожили и начали пить из лунного ручья, поэтому и сами стали «лунными», а зрачки их приобрели «лунную величину». Таким образом произошло соединение реального пространства комнаты с пространством фантастическим и, как это часто бывает во сне, предметы сместились относительно друг друга, одно пространство наложилось на другое, и ковер на стене стал восприниматься как пространство комнаты или как некое волшебное пространство, в котором можно бродить, проходя «через озера ватной тишины». Но, несмотря на то, что ковер стал восприниматься как некий мир, в котором есть и «млечная вышина», и озера, и сказочные слоны и жирафы, в нем что-то осталось и от настоящего, вполне материального ковра. Там существуют свои собственные законы измерения, – пространство ковра плоское, поэтому все, что в нем существует, включая сказочных живых существ, является легким, почти невесомым: «На плечи мне становятся слоны / и вовсе не сгибают мне спины, / как будто плоской легкостью больны...». Итак, пространство ковра как бы оживает и смещается в пространство комнаты, при этом оставаясь плоским. Поэт делает шаг в пространство этого ковра и таким образом попадает в фантастический, сказочный мир. Все это происходит в полу-

дреме, когда человек и плывет по волнам своего сновидения, и не теряет связь с окружающим миром.

Поэт также продолжает вспоминать о лунных лучах, проникающих в комнату, поэтому все, о чем грезит поэт, как бы «пропитывается» луной, воспринимается в связи с ней. Так, блины, которые «ладит» старушка, созданы «из лунной пыли, лунной пелены», к тому же они еще и «смотрятся с одной лишь стороны». А олени, изображенные на ковре, прямо называются «лунными». В тот момент, когда речь вновь заходит об оленях, поэт будто просыпается и начинает осознавать, что пространство ковра – это не отдельный мир, а гобелен, что странные олени ему приснились, что они «как в гобелены затканые сны».

Так, благодаря смещению, наложению реального и фантастического пространств, автор в совершенстве сумел передать ощущение, возникающее во время сна, а передать это посредством вербального изображения довольно сложно и под силу не каждому поэту.

Образ пространства в каждом конкретном стихотворении часто служит способом передачи основного смысла текста. Благодаря этому образу, в стихотворении «Лошадь в сумерках» создается ощущение единства человека со всем окружающим миром. В стихотворении «По самому краешку лета...» автор передает способность поэта отражать в себе живой мир, вовлекать читателя в загадочные сферы творчества. Таинственные пространства, граничащие с обычным пространством дачи, дают возможность автору осознать то, что жизнь его души не исчерпывается лишь земной памятью. Посредством изображения сказочного пространства ковра передается ощущение полудремы, сна, изображаются чудесные фантазии поэта.

Способ изображения пространства многое говорит о мировоззрении автора. Без вдумчивого анализа этого понятия невозможно в полной мере разгадать сложный философский смысл харлановской поэзии, т. к. пространство является неким фоном, оттеняющим мысли и чувства поэта, дающим ему возможность запечатлеть мимолетные ощущения, показать мир во всем его многообразии.

1. *Подольская И.В.* Языковые средства создания художественного образа (на материале поэтических текстов Евгения Харланова): монография. Тамбов, 2004.
  2. *Писарев Е.* В Харланове-ученом преобдало поэтическое начало // Тамбовские хроники. 1996. № 3.
  3. *Писарев Е.* За флажками: поэт Е. Харланов в условиях «провинциальной тесноты» // Тамбовская жизнь. 2012. 7 декабря.
  4. *Никитин С.* Вселенная Е. Харланова // Наедине. 2007. 19 декабря.
  5. *Полякова Л.В., Дорожкина В.Т.* Евгений Иванович Харланов // Литературное краеведение. Тамбов, 2007.
  6. *Руделев В.Г.* Поэтическая школа Евгения Харланова // Поэтические школы Тамбова. Прецедентные феномены тамбовских писателей в современной русской литературе: сборник научных статей. Тамбов, 2008.
  7. *Харланов Е.* У придорожного камня: Стихи. Тамбов, 1993.
  8. *Руделев В.Г.* Охлебинова роща: Стихотворения и фрагменты поэм. Тамбов, 2004.
  9. *Серебренникова Н.Г.* Поэтическое творчество Е. Харланова // Язык и культура: сборник материалов 14 Международной научно-практической конференции / под общ. ред. С.С. Чернова. Новосибирск, 2014.
  10. *Серебренникова Н.Г.* «Огонь ума...» (Поэзия Е. Харланова) // Современные проблемы филологии: материалы 1 Международной научно-практической интернет-конференции. Тамбов, 2011.
1. *Podol'skaya I.V.* Yazykovye sredstva sozdaniya khudozhestvennogo obraza (na materiale poeticheskikh tekstov Evgeniya Kharlanova): monografiya. Tambov, 2004.
  2. *Pisarev E.* V Kharlanove-uchenom preobladalo poeticheskoe nachalo // Tambovskie khroniki. 1996. № 3.
  3. *Pisarev E.* Za flazhkami: poet E. Kharlanov v usloviyakh "provintsial'noy tesnoty" // Tambovskaya zhizn'. 2012. 7 dekabrya.
  4. *Nikitin S.* Vseennaya E. Kharlanova // Naedine. 2007. 19 dekabrya.
  5. *Polyakova L.V., Dorozhkina V.T.* Evgeniy Ivanovich Kharlanov // Literaturnoe kraevedenie. Tambov, 2007.
  6. *Rudelev V.G.* Poeticheskaya shkola Evgeniya Kharlanova // Poeticheskie shkoly Tambova. Pretsedentnye fenomeny tambovskikh pisateley v sovremennoy russkoy literature: sbornik nauchnykh statey. Tambov, 2008.
  7. *Kharlanov E.* U pridorozhnogo kamnya: Stikhi. Tambov, 1993.
  8. *Rudelev V.G.* Okhlebinova roshcha: Stikhotvoreniya i fragmenty poem. Tambov, 2004.
  9. *Serebrennikova N.G.* Poeticheskoe tvorchestvo E. Kharlanova // Yazyk i kul'tura: sbornik materialov 14 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii / pod obshch. red. S.S. Chernova. Novosibirsk, 2014.
  10. *Serebrennikova N.G.* "Ogon' uma..." (Poeziya E. Kharlanova) // Sovremennye problemy filologii: materialy 1 Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy internet-konferentsii. Tambov, 2011.

Поступила в редакцию 09.12.2015 г.

UDC 808.2(035.5)

ARTISTIC IMAGE OF SPACE IN E.I. HARLANOV'S POETRY

Nadezhda Gennadievna SEREBRENNIKOVA, Tambov State Technical University, Tambov, Russian Federation, Candidate of Philology, Associate Professor of Russian Philology Department, e-mail: nadegda_korrespondensija@mail.ru

The artistic image of space in E.I. Harlanov's poetic texts is analyzed. The creativity research of this Tambov poet is relevant because very little scientific works are devoted to his text content. The reference to an artistic image of space is caused by that this image takes the central place in creativity of the poet. The basic method of research is hermeneutic method, which presupposes process of comprehension of the text sense. E.I. Harlanov's poems are analyzed including the collection of the poems "At a roadside stone": "The horse in twilight", "On the edge of summer...", "At the summer residence", "Carpet-dream". Basing on the example of these poems analysis it is concluded that the space in E.I. Harlanov's poetry is complex and multivariate. The way of space speaks image much about outlook of the author. Without the thoughtful analysis of this concept it is impossible to solve to the full complex of E.I. Harlanov's poetry philosophical sense. For E.I. Harlanov the world around appears frequently as connection of several spaces, which can be both usual material and unreal, created as imagination of the poet. In each concrete poem the image of space frequently serves in the way of the basic text sense transfer.

Key words: space; poetic creation; artistic image; poetic text.

МЕТОДИКА И МЕТОДОЛОГИЯ

УДК 82.091

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В КАЗАХСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ УНИВЕРСИТЕТЕ им. АЛЬ-ФАРАБИ (из опыта преподавания)

© **Наталья Канталиевна САРСЕКЕЕВА**

Казахский национальный университет им. аль-Фараби,
г. Алматы, Республика Казахстан, кандидат филологических наук,
доцент кафедры русской филологии и мировой литературы;
академик Академии гуманитарных наук Республики Казахстан,
e-mail: sarsekeeva1403@inbox.ru

© **Алена Сергеевна АФАНАСЬЕВА**

Казахский национальный университет им. аль-Фараби,
г. Алматы, Республика Казахстан, докторант, преподаватель кафедры
русской филологии и мировой литературы, e-mail: alenchika@mail.ru

Написано на основе многолетнего опыта преподавания русской литературы в Казахском национальном университете им. аль-Фараби. Раскрыты методологические основы преподавания дисциплины в национальном вузе в свете новых образовательно-педагогических парадигм, связанных с внедрением компетентностного подхода и концепции евразийства. В условиях глобального кризиса концепция евразийства может быть позиционирована в качестве прообраза, идеи и модели нового сознания культуры, все более уходящей от европоцентризма. В процессе преподавания и изучения курса русской литературы Казахстана представляется важным привлечь внимание слушателей к глубокому осмыслению ими на конкретных примерах творчества разных авторов того обстоятельства, что литературный процесс суверенного Казахстана продолжает на новом уровне диалог культур Востока и Запада. Подробно освещена концепция «диалога культур» и возможности ее практического применения на конкретных примерах изучения историко-литературных и специальных курсов по истории, поэтике и жанрам русской литературы. Для углубленного изучения литературы в ситуации «культурной глобализации» особенно актуальным и плодотворным представляется акцент на взаимодействии сложившихся ранее традиций и новых историко-культурных парадигм, их соотносительности и взаимодействий, неизбежно приводящих к диалогу. Акцентируется мысль о необходимости активизации нового типа научно-теоретического мышления, связанного с диалектико-логическим процессом познания, трансформирующимся в результате общемировых тенденций к интеграции и глобализации научных знаний.

Ключевые слова: М.М. Бахтин; инновации; русская литература XX в.; коммуникация; гуманитарные науки; интеркультурный диалог; евразийство.

Инновационный методологический потенциал современного высшего образования является важнейшей его составляющей, что подразумевает обновление арсенала знаний и способов деятельности будущего специалиста, формирование его креативного мышления. Инновации в обучении в настоящее время тесно связаны с процессами глобализации, с интеграцией знаний. Не случайно сегодня немало внимания в Казахском национальном университете им. аль-Фараби

уделяется разработке и внедрению основ построения новой педагогической парадигмы образовательного процесса, в которой парадигма «человек знающий» сменяется парадигмой «человек, подготовленный к жизни, человек действующий». Все это требует существенных изменений в содержании, методологии и методике преподавания всего спектра изучаемых дисциплин в их взаимосвязи, в т. ч. и курса русской литературы, о чем нам приходилось писать ранее [1–6].

Историко-литературные курсы и специальные курсы по поэтике, жанрам, методологическим и теоретическим аспектам изучения и преподавания русской литературы, читаемые на факультете филологии и мировых языков Казахского национального университета им. аль-Фараби, обладают достаточным инновационным потенциалом, способствующим дальнейшему развитию интеркультурного диалога. С обретением нашей страной Независимости произошла переоценка ценностей: обнаружилось, что творчество многих выдающихся писателей и поэтов т. н. «второго ряда» следует интерпретировать с иных мировоззренческих и методологических позиций. В частности, в сборнике научных материалов Института литературы и искусства им. М.О. Ауэзова Министерства образования и науки Республики Казахстан (МОН РК) «Евразийский талисман» впервые в отечественном литературоведении в историко-литературном аспекте исследовалась идея евразийства на обширном материале художественных произведений русской и казахской литературы XVIII–XX вв., рассматривались истоки духовного родства двух культур – славянской и тюркской, зародившихся в Евразии [7].

Как известно, идея евразийства, как ее сформулировал Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев в Москве более двадцати лет назад, основана на духовно-нравственном единстве и культурно-историческом взаимодействии народов Евразии в течение тысячелетий. Фундаментом евразийства, напомним, послужило идейно-политическое и философское течение русской эмиграции 1920–1930-х гг., отстаивавшее идею самобытности России, концепцию русской культуры как неевропейского феномена, отличающегося уникальным соединением западных и восточных черт.

В наши дни смысл концепции евразийства высвечивается существенно новой гранью. Будущему специалисту-словеснику важно привить понимание евразийской идеи как символа и модели не только славяно-туранского братства, но и всемирного единения людей. Это представляется нам важным фактором сегодня: в условиях глобального кризиса концепция евразийства может быть позиционирована в качестве прообраза, идеи и модели нового сознания культуры, все бо-

лее уходящей от европоцентризма, культуры, которая в наступившем тысячелетии будет, по всем признакам, главенствующей.

История литературы любого народа рассматривается через призму ее национального самопознания, т. к. каждая из них опирается на собственные национальные традиции. Как известно, Казахстан с давних времен был включен в мировой литературный процесс, чему способствовало открытие Великого шелкового пути, особое географическое положение нашей страны – на перекрестке Востока и Запада. Именно поэтому изучение творческого наследия народов, населяющих Казахстан, позволяет открыть новые грани в постижении современной картины мира. Впечатляют многообразие и общность литературного процесса суверенного Казахстана, представляющего собой необычайно многогранное явление. Русской, уйгурской, татарской, немецкой, курдской, корейской и другим литературам наряду с казахской, несмотря на национально-художественную специфику подхода к изображению человека и реалий действительности, присущи сходные тенденции развития и духовная общность в условиях усиливающихся интеграционных процессов.

К началу XXI в. общенациональные критерии литературы стали все больше подвергаться сомнению. Так, в современной критике предлагаются модели сосуществования множества литератур внутри русской литературы, определяемой как «мультилитература», литературная «радуга» и др. [8, с. 34]. Вместе с тем в период независимости литературные связи и влияния национальных литератур основаны по-прежнему на культурных и литературно-языковых контактах между народами и суверенными государствами, и в этом процессе трудно переоценить роль русского языка как языка межкультурного и межнационального общения. Казахстан, выдвинув в 1994 г. в качестве приоритетной идею евразийства, стремится не прерывать исторически сложившиеся контакты, придавая особое значение диалогу культур и цивилизаций. Так, интегративные тенденции в общемировом литературном процессе наглядно отражены в коллективной монографии «Литературно-художественный диалог» (Алматы, 2008), подготовленной Институтом литературы и искусства им. М.О. Ауэзова МОН РК и Ин-

ститутом мировой литературы им. А.М. Горького РАН, главным объектом которой стал казахский литературный текст, живущий в вечном диалоге с русской и другими культурами.

Наиболее полно представлена в независимом Казахстане русская литература, издавна привлекавшая внимание как казахстанских, так и российских исследователей. Творческое наследие И.П. Шухова, Н.И. Анова, М.Д. Симашко, Н.А. Раевского, Д.Ф. Снегина, Г.К. Бельгера, В.Ф. Михайлова и других авторов широко известно не только в нашей стране, но и за ее рубежами. Казахстан заслуженно гордится своими земляками-литераторами, среди которых выделяются имена П.П. Бажова, П.Н. Васильева, Г.Д. Гребенщикова, А.С. Иванова, многими другими известными писателями и поэтами, которые родились, жили и творили на казахской земле. Так, одним из первых ввел в большую русскую поэзию тему нелегкой судьбы степняков, образ казахской степи П.Н. Васильев, «русский азиат», как его называли.

Своеобразным возвращением к теме «бунта», начатой П.Н. Васильевым, стала документальная книга нашего современника, поэта, писателя и журналиста В.Ф. Михайлова «Хроника великого джута» о страшных годах коллективизации в Казахстане (1990), выдержавшая несколько изданий и переведенная на многие иностранные языки. Одну из наиболее трагических страниц в истории Алма-Аты 1930-х гг. открыл Ю.О. Домбровский, автор всемирно известных и переведенных на многие иностранные языки романов «Хранитель древностей» и «Факультет ненужных вещей». Представляет несомненный научный интерес изучение опыта усвоения этими и другими русскими авторами традиций казахской культуры, опыта «переклички» с ней, основанный на взаимодействии разных типов ментальности. Указанные аспекты с давних пор привлекают внимание и до настоящего времени находятся в поле зрения современных исследователей литературного процесса Казахстана [9–11].

В процессе преподавания и изучения курса русской литературы Казахстана новейшего времени представляется важным привлечь внимание слушателей к глубокому осмыслению ими на конкретных примерах творчества разных авторов того обстоятель-

ства, что литературный процесс суверенного Казахстана продолжает на новом уровне диалог культур Востока и Запада. В ходе изучения дисциплины нельзя упускать из виду такие литературные связи, как билингвизм, автоперевод, перевод. Все вышесказанное побуждает лектора, ведущего фундаментальные теоретические или историко-литературные курсы, связанные с русской литературой Казахстана (*Русская литература Казахстана: традиции и новаторство, Поэтика прозы русских писателей Казахстана, Эпические жанры русской прозы Казахстана и др.*), шире практиковать в организации и проведении самостоятельной работы слушателей различные виды заданий с экспериментально-практической направленностью в контексте указанных ранее видов литературных связей.

Для углубленного изучения литературы в ситуации «культурной глобализации» особенно актуальным и плодотворным представляется акцент на взаимодействии сложившихся ранее традиций и новых историко-культурных парадигм, их соотносительности и взаимодействий, неизбежно приводящих к диалогу. Как известно, диалогическое мироощущение в философско-эстетическом аспекте впервые было концептуально осмыслено и сформулировано в трудах М.М. Бахтина, пришедшего к выводу о том, что изучение многообразных художественных моделей и эстетических систем в литературе необходимо проводить в аспекте их «*созвучий и пересечений*». В научной литературе все чаще используются идеи М.М. Бахтина о «*встрече*», диалоге как основе коммуникации. В своих трудах М.М. Бахтин неоднократно подчеркивал, что диалогические отношения неправомерно сводить к противоречию и спору, что это, прежде всего, сфера духовного обогащения людей и их единения: «*Согласие – одна из важнейших форм диалогических отношений. Согласие очень богато разновидностями и оттенками*». Однако для успешности «*встречи*», как подчеркивал М.М. Бахтин, необходим ряд условий: «*нужны и эстетический вкус, и живой интерес к писателю и его произведениям, и способность непосредственно ощущать их художественные достоинства*» [12, с. 361].

В «Заметках» 1961 г. М.М. Бахтин сопрягал понятия «встреча», «диалог», совре-

менные «гуманитарные науки», практику высказываний. Известным ученым было предложено также понимание текста в качестве высказывания, коммуникации как контакта человеческих голосов – идей, получивших сегодня широкое и плодотворное развитие. Так, например, в пределах ощущения тех принципиальных изменений на уровне аксиологии и поэтики, что произошли в русской литературе 60–70-х гг. XX в., авторитетные исследователи русской литературы XX в. пытаются обозначить индивидуальные духовные центры указанной эпохи, имена художников, в творчестве которых «*дух времени*» проявился наиболее полно и глубоко. В частности, известный российский писатель и критик С.П. Залыгин считал таковыми индивидуальными центрами указанного периода наследие Ю.В. Трифонова и В.М. Шукшина.

Заметим, что большинство ведущих специалистов последних десятилетий выводят наследие В.М. Шукшина за рамки «деревенской прозы», за рамки онтологического типа мышления. В.М. Шукшина сегодня нередко позиционируют как художника промежуточного склада между *онтологизмом и экзистенцией*. Что касается творчества М.А. Булгакова, известно, что в результате выхода в свет тома «Избранной прозы» писателя и журнального варианта романа «Мастер и Маргарита» в 1966–1967 гг., бескомпромиссной публичной дискуссии в СМИ о «закатном романе» художника, последующих кино- и телепостановок по мотивам произведений писателя в обществе возник своеобразный «булгаковский бум».

В.М. Шукшин оказался психологически и творчески готов к «встрече» с феноменом М.А. Булгакова. Именно поздние произведения В.М. Шукшина 1969–1974 гг., письма к другу и единомышленнику в контексте «деревенской прозы» писателю В.И. Белову обнаруживают обширное поле знаков ценностно-тематического контакта и *согласия* с текстами М.А. Булгакова, его пониманием миссии русского писателя. Судьба М.А. Булгакова подводила В.М. Шукшина к мысли о бесполезности поиска компромисса со своим временем. С этим связано стремление позднего В.М. Шукшина к предельности высказывания, к публицистичности (вспоминается знаменитое шукшинское: «*Что с нами про-*

исходит?») Не случайно в последний период творческого пути В.М. Шукшин приходит к системной работе для театра, стремится к массовому публичному зрелищу – *тексту*, который заживет своей публичной жизнью, и автор в театральном зале почувствует отклик на него. Писатель создает ряд повестей для театра, киноповести, повести-сказки, серьезно переосмысливает и перерабатывает свой самый заветный труд о русской истории – роман «Я пришел дать вам волю», главный персонаж которого, Степан Разин, напрямую соотнесен с Иешуа.

Образ Егора Прокудина в киноповести «Калина красная» создается автором по модели народного заступника (указанные аспекты углубленно рассматриваются в рамках элективной дисциплины «Мифопоэтика русской литературы» на отделении докторантуры PhD специальности 6ДО20500 – Филология). Главное, что сближает героев М.А. Булгакова и В.М. Шукшина, – их внутренняя свобода, непреклонность духа, выход за пределы страха. Закономерно, что с появлением нового героя у В.М. Шукшина черты Степана Разина становятся близки и другим «поздним» персонажам писателя: Егору Прокудину («Калина красная»), Ивану (повесть-сказка «До третьих петухов» и др.).

Произведения обоих писателей во многом сближаются также игровым началом в поэтике, условностью повествования, типологией героя и пространства, системой мотивов (*покой, награда, болезнь, зло, жестокость*). Возникает своего рода «*поле согласия*» двух художников слова. Ядром данного поля является статус Дома и его знаки (*любовь, женщина, ее духовное материнство, преемственность*). Однако «*поле согласия*» совсем не отменяет различие мироощущений художников. Как М.А. Булгакову, так и В.М. Шукшину интересен герой-путник, подвергающийся испытаниям и искушениям. В случае, если путь такого типа персонажа не может быть продолжен на земле, М.А. Булгаков дает возможность продления его пути в ином пространстве. У В.М. Шукшина же герой-путник умирает на земле, и продолжение его жизни не возможно в другом мире.

Необходимо акцентировать внимание на следующем: различие решений М.А. Булгаковым и В.М. Шукшиным значимых ценностно-тематических звеньев объясняется их

миросозерцанием, происхождением и положением в культуре. Акцент на диалоге двух выдающихся мастеров слова XX в. важен и как возможность корректировки некоторых ставших традиционными идей в булгаковедении и шукшиноведении. Выявление глубины диалогических отношений позднего В.М. Шукшина с наследием М.А. Булгакова, несомненно, связано с органической погруженностью каждого из художников в индивидуальные художественные традиции русской классики XIX в. (пушкинская традиция, гоголевская традиция, толстовская традиция, традиция Ф.М. Достоевского). Подобная соотношенность тематических блоков литературы способствует более углубленному изучению специфики и типологических особенностей русской литературы XX в.

К началу XXI в. в процессе исторического развития гуманитарного знания в целом и литературной науки в частности выработалась необходимость активизации нового типа научно-теоретического мышления, связанного со спецификой диалектико-логического процесса познания, трансформирующегося в результате общемировых тенденций к интеграции и глобализации научных знаний. В литературоведческой науке растет внимание к синтетическому процессу обобщения, основанного на восприятии «свое через чужое» (М.М. Бахтин). Концепция «диалога культур» все чаще рассматривается специалистами как основа для разделов науки, связанных с проблемой «язык и культура» (культурология, искусствоведение, литературоведение и лингвистика и др. [13; 14].

1. *Сарсекеева Н.К.* Традиции изображения «искателя истины» в современной литературе Казахстана в контексте межнационального диалога // СЛОВО.Ру: Балтийский акцент. Калининград, 2012. № 2. С. 66-70.
2. *Сарсекеева Н.К.* Пути формирования профессиональной филологической компетентности в изучении литературоведческих дисциплин // Компетентностная модель выпускника в системе современного непрерывного профессионального образования: 42 Международная научно-методическая конференция. Алматы, 2013. С. 121-127.
3. *Джолдасбекова Б.У., Сарсекеева Н.К.* Авторский дискурс Ю.О. Домбровского в контексте современной казахстанской прозы о художнике: монография. Алматы, 2013.

4. *Сарсекеева Н.К.* Опыт преломления игровой поэтики В.В. Набокова в современной русской прозе // Вестник КазНУ. Серия Филология. Алматы, 2015. № 6. С. 91-96.
5. *Афанасьева А.С.* Научно-методические аспекты изучения мотива, образа и архетипа в современном литературоведении // Состояние и перспективы современной филологии. 7 Багизбаевские чтения: материалы международной научно-практической конференции. Алматы, 2015. С. 64-67.
6. *Афанасьева А.С.* Архетипы «Дом» и «Бездомье» в русской литературе // Вестник КазНУ. Серия Филология. Алматы, 2015. № 4 (156). С. 301-307.
7. *Евразийский талисман* // под ред. Ш.Р. Елеуенова. Алматы, 1996.
8. *Иванова Н.* Ускользающая современность. Русская литература XX–XXI вв.: от «внекомплектной» к постсоветской, а теперь и всемирной // Вопросы литературы. 2007. № 3. С. 32-49.
9. *Бадиков В.В.* Новые ветры. Очерки современного литературного процесса Казахстана. Алматы, 2005.
10. *Джолдасбекова Б.У.* Русская литература Казахстана. Алматы, 2009.
11. *Ананьева С.В.* Русская проза Казахстана. Последняя четверть XX в. – первое десятилетие XXI в. Алматы, 2010.
12. *Бахтин М.М.* К методологии гуманитарных наук // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 350-367.
13. *Шарина С.И.* Понятие «диалог культур» и образовательный процесс // Инновации и образование: сборник материалов конференции. Серия “Symposium”. СПб., 2003. Вып. 29. С. 511-514.
14. *Валицкая А.П.* Как возможная общая теория образования, или о междисциплинарном статусе понятия «диалог» // Диалог в образовании: сборник материалов конференции. Серия “Symposium”. СПб., 2000. Вып. 22. С. 9-16.

1. *Sarsekeeva N.K.* Traditsii izobrazheniya “iskatelya istiny” v sovremennoy literature Kazakhstana v kontekste mezhnatsional'nogo dialoga // SLOVO.Ru: Baltiyskiy aktsent. Kaliningrad, 2012. № 2. S. 66-70.
2. *Sarsekeeva N.K.* Puti formirovaniya professional'noy filologicheskoy kompetentnosti v izuchenii literaturovedcheskikh distsiplin // Kompetentnostnaya model' vypusknika v sisteme sovremennogo nepreryvnogo professional'nogo obrazovaniya: 42 Mezhdunarodnaya nauchno-metodicheskaya konferentsiya. Almaty, 2013. S. 121-127.

3. Dzholdasbekova B.U., Sarsekeeva N.K. Avtorskiy diskurs Yu.O. Dombrovskogo v kontekste sovremennoy kazakhstanskoy prozy o khudozhnike: monografiya. Almaty, 2013.
4. Sarsekeeva N.K. Opyt prelomleniya igrovoy poetiki V.V. Nabokova v sovremennoy russkoy proze // Vestnik KazNU. Seriya Filologiya. Almaty, 2015. № 6. S. 91-96.
5. Afanas'eva A.S. Nauchno-metodicheskie aspekty izucheniya motiva, obraza i arkheta v sovremennoy literaturovedenii // Sostoyanie i perspektivy sovremennoy filologii. 7 Bagizbaevskie chteniya: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Almaty, 2015. S. 64-67.
6. Afanas'eva A.S. Arkhetipy "Dom" i "Bezdom'e" v russkoy literature // Vestnik KazNU. Seriya Filologiya. Almaty, 2015. № 4 (156). S. 301-307.
7. Evraziyskiy talisman // pod red. Sh.R. Eleukenova. Almaty, 1996.
8. Ivanova N. Uskol'zayushchaya sovremennost'. Russkaya literatura XX–XXI vv.: ot «vnekomplektnoy» k postsovetskoy, a teper' i vseмирnoy // Voprosy literatury. 2007. № 3. S. 32-49.
9. Badikov V.V. Novye vetry. Ocherki sovremennogo literaturnogo protsessa Kazakhstana. Almaty, 2005.
10. Dzholdasbekova B.U. Russkaya literatura Kazakhstana. Almaty, 2009.
11. Anan'eva S.V. Russkaya proza Kazakhstana. Poslednyaya chetvert' XX v. – pervoe desyatiletie XXI v. Almaty, 2010.
12. Bakhtin M.M. K metodologii gumanitarnykh nauk // Bakhtin M.M. Estetika slovesnogo tvorchestva. M., 1979. S. 350-367.
13. Sharina S.I. Ponyatie "dialog kul'tur" i obrazovatel'nyy protsess // Innovatsii i obrazovanie: sbornik materialov konferentsii. Seriya "Symposium". SPb., 2003. Vyp. 29. S. 511-514.
14. Valitskaya A.P. Kak vozmozhnaya obshchaya teoriya obrazovaniya, ili o mezhdistsiplinarnom statuse ponyatiya "dialog" // Dialog v obrazovanii: sbornik materialov konferentsii. Seriya "Symposium". SPb., 2000. Vyp. 22. S. 9-16.

Поступила в редакцию 15.11.2015 г.

UDC 82.091

METHODOLOGICAL ASPECTS OF STUDYING RUSSIAN LITERATURE IN AL-FARABI KAZAKH NATIONAL UNIVERSITY (of teaching experience)

Natalya Kantaliyevna SARSEKEEVA, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan, Candidate of Philology, Associate Professor of Russian Philology and World Literature Department; Academician of Humanities Academy of Republic of Kazakhstan, e-mail: sarsekeeva1403@inbox.ru

Alena Sergeevna AFANASYEVA, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan, Doctoral Candidate, Lecturer of Russian Philology and World Literature Department, e-mail: alenchika@mail.ru

It is written on the basis of experience in teaching Russian literature in Al-Farabi Kazakh National University. Methodological basis of teaching in the national high school in the light of new educational and pedagogical paradigms related to the implementation of competence approach and the concept of Eurasianism is disclosed. In the context of the global crisis the concept of Eurasianism can be positioned as a prototype, a model of new ideas and consciousness of culture, more going away from Eurocentrism. In the process of teaching and learning courses in Russian literature of Kazakhstan it is important to draw the attention of the audience to a deep understanding of specific examples of creativity of different authors to the fact that the literary process of sovereign Kazakhstan continues to the next level dialogue of cultures of the East and the West. The concept "dialogue of cultures" and the possibility of its practical application on concrete examples and the study of literary history and special courses on the history, poetics and genres of Russian literature are highlighted in detail. For in-depth study of the literature in the situation of "cultural globalization" particularly relevant and productive seems to focus on the interaction of the previously established traditions and new historical and cultural paradigms, their correlation and interactions will inevitably lead to dialogue. The need to revitalize the idea of a new type of scientific and theoretical thinking, associated with the dialectical-logical process of knowledge transforming as a result of global trends towards integration and globalization of scientific knowledge is discussed.

Key words: M.M. Bakhtin; innovation; Russian literature of XXI century; communication; humanities; intercultural dialogue; Eurasianism.

УДК 81-13; 37.02

АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ КАЗАХСТАНСКОЙ ЛИНГВОДИДАКТИКИ

© **Жанат Хамаровна САЛХАНОВА**

Казахский национальный университет им. аль-Фараби,
г. Алматы, Республика Казахстан, доктор педагогических наук,
кандидат филологических наук, профессор кафедры русской филологии
и мировой литературы, e-mail: salkhanova.zhanat@mail.ru

Рассмотрены разработки казахстанских ученых, связанные с тенденциями и направлениями современной лингводидактики. Отмечено, что формирование компетенций рассматривается исследователями в качестве центрального ядра языкового образования. Обозначен тезис о том, что выдвигание на первый план коммуникативного подхода, направленного на формирование и развитие компетенций, обусловило разработку инновационных технологий и методов обучения. Проанализированы особенности технологии функционально-коммуникативного обучения, технологии лингвистического программирования, активных методов обучения, а также работы, в которых интеркультурно-коммуникативная компетенция рассмотрена в качестве одной из базовых компетенций. Показано, что языковая культура постсоветских народов представляет собой две стороны одного явления. Прежде всего, это культура речи родного языка и культура русской речи, однако не следует противопоставлять языки друг другу. В казахстанском образовательном пространстве актуальны в равной степени и родной язык, и русский язык как язык межнационального общения, а в последние десятилетия и иностранный язык. Доказано, что перспективной является проблема разработки сквозных технологий и технологических приемов, охватывающих разные ступени образования – школу, колледж, вуз. Исходя из идеи непрерывности и преемственности, трактующей современное образование как открытую, гибкую, мобильную систему, обеспечивающую личности возможность непрерывного обучения и развития на протяжении всей жизни, показано, что сквозные технологии способны обеспечить условия как для узкой специализации, так и для многопрофильной подготовки языковой личности.

Ключевые слова: тенденция; технология; компетенция; непрерывность; результат.

Казахстанские ученые-лингводидакты находятся в процессе поиска определенного центрального ядра языкового образования, на основе которого формируются ключевые компетенции. Для обозначения приоритетных целей процесса обучения дисциплинам языкового цикла существует ряд наименований, таких как: фундаментальные компетенции, базовые компетенции, ключевые квалификации, фундаментальные формы. Данные понятия не эквивалентны, но каждое из них, на наш взгляд, представляет собой попытку номинально приблизиться к определенному уровню обученности, при этом на первом плане оказывается коммуникативная компетенция. Анализируя данную проблему, педагоги и методисты отмечают: «Компетенция представляет собой статическую часть, а речевая деятельность – динамическую часть самоорганизующейся коммуникативной системы» [1, с. 277].

Обратимся к разработкам отечественных исследователей для выяснения ведущих лингводидактических тенденций. Рассматривая коммуникативную компетенцию с позиций

методики преподавания, С.Ж. Берденова пишет: «Коммуникативная компетенция выступает ведущей и конечной целью учебной деятельности, являясь центральным понятием в обучении языкам» [2, с. 16]. При этом автором обращается особое внимание на то, что языковая культура постсоветских народов представляет собой две стороны. Прежде всего, культура речи родного языка, затем культура русской речи, однако, не следует противопоставлять языки друг другу по принципу: «или-или». Автор справедливо отмечает, что здесь более уместен другой принцип: «и-и», т. е. и родной язык, и язык межнационального общения, а в последние десятилетия и иностранный язык. Разделяя позицию С.Ж. Берденовой, мы рассматриваем компетенцию как способность к выбору и реализации программ речевого общения и поведения на фоне культурного контекста страны изучаемого языка, как умение ориентироваться в различной обстановке, оценивать ситуацию с учетом темы, коммуникативных установок, возникающих у участников общения.

Выдвижение на первый план коммуникативного подхода, направленного на формирование и развитие компетенций, обусловило разработку инновационных технологий обучения. Так, К.Н. Булатбаева в своих трудах представляет узкометодическую предметную технологию, названную автором функционально-коммуникативной. В основе данной технологии обучения – идеи Ж.И. Сабитовой, Е.И. Пассова, Д.Д. Шайбаковой, Ж.Х. Салхановой и других ученых [3–6]. В качестве преимущества предлагаемого подхода К.Н. Булатбаева рассматривает следующее: «Технология функционально-коммуникативного обучения позволяет формировать языковую, речевую, коммуникативную, предметную и этнокультуроведческую компетенции в комплексе, которые до сих пор представляли собой бессистемно, непоследовательно и не в полном объеме раскрываемые разрозненные аспекты» [7, с. 65]. Автор выделяет семь уровней языковой личности в модели языковой личности в условиях функционально-коммуникативного подхода к обучению русскому языку в казахской школе: денотативный, психологический, лингвистический, речевой, коммуникативный, нравственный, этнокультуроведческий.

Уточняя термин «подход к обучению», в качестве «...базисной категории методической науки, определяющей стратегию обучения языку и выбор метода обучения, реализующего такую стратегию», исследователь рассматривает четыре подхода к обучению:

- бихевиористский – овладение языком путем образования речевых автоматизмов в ответ на предъявляемые стимулы;

- индуктивно-сознательный – овладение языком путем наблюдения за речевыми образцами, что приводит к овладению языковыми правилами и способами их употребления в речи;

- познавательный (когнитивный) подход – сознательное овладение языком в последовательности от знаний в виде правил и инструкций к речевым навыкам и умениям на основе усвоенных знаний;

- интегрированный – предусматривается органическое соединение сознательного и подсознательного компонентов в процессе обучения, что проявляется в параллельном овладении знаниями и речевыми умениями и навыками.

Выбор того или иного подхода находится в прямой зависимости от целеполагания. К.Н. Булатбаева, ставя целью овладение языком как средством общения, разрабатывает методическую систему, в основе которой процесс формирования коммуникативной компетенции учащихся-казахов, приближенной к уровню владения языком природными носителями русского языка. На наш взгляд, в разработках К.Н. Булатбаевой данный тезис следует рассматривать как наиболее обоснованный.

Л.Н. Карабаева выделяет личностную компетенцию, которая «...является регулятором личностных достижений, поиска личностных смыслов в общении со студентами, побудителем самопознания, профессионального роста, совершенствования мастерства, смыслов деятельности, развития, рефлексивных способностей и формирования своего собственного дидактического стиля» [8, с. 24]. Л.Н. Карабаева отмечает, что компетенция – это усвоение этнических и социально-психологических эталонов, стандартов, стереотипов поведения, степень владения техникой общения, и поэтому в коммуникативных методиках следует предусматривать наряду с овладением знаниями по языку также практическое овладение техникой общения, правилами вежливости, нормами поведения.

Вызывают интерес работы опытного ученого-методиста А.А. Чингисовой, которая, опираясь на труды теоретиков программированного обучения Б. Краудера, Б. Скиннера, идеи бихевиоризма, рассматривает компетенцию как сферу отношений между знанием и действием, существующим в реальной практике. С другой стороны, исследователь считает, что противопоставлять компетенцию знаниям и умениям ошибочно: не всякое знание проявляет себя как компетенция, но без знания нет компетенции. Компетенция, знание, умение – это стороны единого процесса формирования личности, компетенция состоит из знаний и умений, является мерой ее оценки. Следовательно, знания и умения и есть основа для проявления компетенции на разных этапах формирования и в разных ситуациях общения [9–12].

Ученый считает, что лингвистическое программирование открывает путь для достижения желаемого уровня совершенства знаний, переходящих в компетенцию. Такие

программы можно назвать стратегиями, отвечающими антропоцентрической парадигме – ключевой в современной лингводидактике, рассматривающей человека, личность в качестве центрального звена процесса обучения.

Другой отечественный исследователь А.О. Касен, рассматривая механизм формирования языковой компетенции на иностранном языке, акцентирует внимание на речевых ситуациях в качестве активных методов обучения, выделяя следующие факторы:

- создание проблемной ситуации, т. е. управление процессом овладения знаниями и умениями в проблемной ситуации, для чего нужно определить цель, выполнить проблемно-логический анализ и структурное изучение материала, провести психолого-педагогический анализ сформулированных проблем и определить познавательные задачи;

- овладение высокой положительной мотивацией к решению проблемной задачи.

Ценно то, что исследователь определяет показатели уровня сформированности языковой компетенции у студентов:

- наличие знаний иностранного языка и умение его реализации в коммуникативных ситуациях профессиональной направленности;

- наличие комплекса психолого-педагогических, взаимосвязанных предпосылок для адекватной реализации психологической готовности студентов к трудовой деятельности;

- уровни сформированности языковой компетенции как ее количественные характеристики [13].

Ж.И. Сабитова, исследуя вопросы обучения родному языку в начальной школе, разрабатывает модель описания ожидаемых результатов, в которой выделяет такие параметры, как речевое развитие, практическое усвоение системы языка, организацию деятельности. Ученый формулирует вывод о том, что основным результатом деятельности современной школы должна стать не система знаний, умений и навыков сама по себе, а набор ключевых компетентностей в интеллектуальной, информационной, организационной и других сферах. В качестве цели учебного процесса она определяет формирование практических навыков анализа информации, самообучения, стимулирующие самостоятельную работу учащихся, формирование опыта ответственного выбора и ответственной деятельности, опыта самоорганиза-

ции, что будет способствовать формированию образа выпускника начальной школы как главного целевого ориентира в учебно-воспитательном процессе, который отражает в целом познавательное и социально-личностное развитие ребенка [4].

Д.Н. Кулибаева выделяет интеркультурно-коммуникативную компетенцию в качестве одной из базовых компетентностей в интеллектуально-креативной модели выпускника школы международного типа: «Интеркультурно-коммуникативная компетенция как конечный, качественный результат овладения иностранным языком отражает и базируется на лингвокультурологической концепции иноязычного образования, в которой предметом овладения является комплексный междисциплинарный конструкт, «иноязык – инокультура – личность», а целью и достижимым в условиях национальной средней школы результатом является интеркультурно-коммуникативная компетенция, основными компонентами которой являются следующие: понятийно-когнитивный, информационно-аккумулирующий, прагматико-репрезентирующий, контекстно-коммуникативный» [14, с. 86].

Ряд ученых исследует прикладные аспекты проблемы, разрабатываются технологии и методики применительно к отдельным разделам языкознания. Например, А.Б. Издегулова рассматривает процесс развития ключевых компетенций старшеклассников в процессе выполнения домашних учебных занятий. Г.К. Айсабай анализирует коммуникативно-ориентированное изучение паронимических единиц при обучении русскому языку как иностранному. С.Ж. Берденова, изучая процесс формирования коммуникативной компетенции полиязычной личности учащихся 5 класса, рассматривает компетенцию в единстве с речевой деятельностью и вслед за А.Е. Карлинским отмечает статичность компетенции и динамичность речевой деятельности. Практическая направленность названных разработок составляет их ценность, однако, авторские разработки все же не обладают таким важным качеством, как универсальность, возможность их использования на основных ступенях «образовательной лестницы» [2; 7; 15; 16].

Переход к вариативному образованию в Казахстане не только провозгласил свободу

педагогического творчества, но и обрушил на учителей, методистов поток отечественных и зарубежных систем, технологий, методик. Оценить их адекватно можно, лишь отказавшись от веры в существование единственно правильной всегда, везде и для всех модели обучения. И здесь, как нам кажется, малоисследованной оказывается проблема разработки сквозных технологий и технологических приемов, охватывающих разные ступени образования – школу, колледж, вуз. Мы исходим из идеи непрерывного образования, трактующей современное образование в качестве фактора прогресса, открытой, гибкой, мобильной системы, обеспечивающей личности возможность непрерывного обучения на протяжении всей жизни, создающей условия как для узкой специализации, так и для многопрофильной подготовки личности. Безусловно, разработка и использование сквозных технологических подходов применимы не ко всем учебным дисциплинам, а к тем, которые изучаются «непрерывно», т. е. на всех ступенях образования: общем среднем, среднем специальном, высшем, независимо от возрастных и профессиональных особенностей обучающихся. К таким дисциплинам относятся, например, информатика, история, родной язык, государственный язык, иностранный язык.

Язык и языковая компетенция в контексте непрерывного образования, ориентированного на результат, включены в состав базовых компетенций, которые должны приобрести учащиеся основной средней школы. Язык как учебный предмет и в целом языковая подготовка имеют немаловажное значение в работе над шестью сквозными компонентами содержания образования: умственным, нравственным, эстетическим, коммуникативным, трудовым, физическим. Языковая компетенция является неотъемлемой частью профессиональной компетентности будущего специалиста, обучающегося в колледже, институте, университете [5].

В этой связи, считаем, что в основе обучения языку на разных его ступенях может быть единая сквозная технология, учитывающая особенности каждой ступени и направленная на ожидаемый результат – формирование и развитие коммуникативной языковой компетенции личности. С учетом возрастных особенностей и специфики учеб-

ного заведения процесс внедрения сквозной технологии может осуществляться постепенно – от элементов технологического подхода, путем последовательного расширения и усложнения технологических компонентов к четко структурированной технологии обучения. При этом мы рассматриваем преемственность знаний как основу непрерывности процесса формирования языковой компетенции. Разработки казахстанских ученых-лингводидактов подтверждают тезис о том, что компетентностный подход, имеющий целью формирование компетенций и компетентности, является одним из эффективных путей достижения результата языкового образования.

1. *Карлинский А.Е.* Влияние двуязычия на интеллект // Мышление и общение: материалы Всесоюзного симпозиума. Алма-Ата, 1973.
2. *Берденова С.Ж.* Формирование коммуникативной компетенции полиязычной личности учащихся 5 класса общеобразовательной школы Казахстана с русским языком обучения: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Алматы, 2006.
3. *Пассов Е.И.* Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению. М., 1991.
4. *Сабитова Ж.И.* Образование, ориентированное на результат в начальной школе // Алтынсаринские чтения. Развитие национальной системы образования в условиях глобализации: материалы Международной научно-практической конференции. Алматы, 2008.
5. *Салханова Ж.Х.* Компетентность и компетенции. Алматы, 2013.
6. *Шайбакова Д.Д.* Русский язык в школах Казахстана. Омск, 2011.
7. *Булатбаева К.Н.* Функционально-коммуникативный подход к обучению русскому языку в казахской школе (5–9 классы): автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Павлодар, 2006.
8. *Карабаева Л.Н.* Педагогические условия формирования коммуникативной компетентности преподавателей иностранного языка в вузе: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Туркестан, 2009.
9. *Linguistics and the Teacher* / ed. by R. Carter. L., 1982.
10. *Crowder N.* The Arithmetic of Computers originally published. N. Y., 1958.
11. *Hymes D.* Toward ethnography of communicative events // *Language in social context* / ed. by P.P. Giglioli. Harmondsworth, 1972.
12. *Rivers W.* The Psychologist and the Foreign Language Teacher. Chicago, 1979.

13. *Касен А.О., Кондубаева М.Р.* Механизм формирования языковой компетенции у студентов-экологов // Алтынсаринские чтения. Развитие национальной системы образования в условиях глобализации: материалы Международной научно-практической конференции. Алматы, 2008.
14. *Кулибаева Д.Н.* Методологические основы управления образовательной системой школ международного типа. Алматы, 2014.
15. *Айсabay Г.К.* Коммуникативно-ориентированное изучение паронимов при обучении русскому языку как иностранному: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Алматы, 2009.
16. *Изделеуова А.Б.* Развитие ключевых компетенций старшеклассников в процессе домашних учебных занятий (на примере истории Казахстана): автореф. дис. ... канд. пед. наук. Караганда, 2007.
6. *Shaybakova D.D.* Russkiy yazyk v shkolakh Kazakhstana. Omsk, 2011.
7. *Bulatbaeva K.N.* Funktsional'no-kommunikativnyy podkhod k obucheniyu russkomu yazyku v kazakhskoy shkole (5–9 klassy): avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk. Pavlodar, 2006.
8. *Karabaeva L.N.* Pedagogicheskie usloviya formirovaniya kommunikativnoy kompetentnosti prepodavateley inostrannogo yazyka v vuze: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. Turkestan, 2009.
9. *Linguistics and the Teacher* / ed. by R. Carter. L., 1982.
10. *Crowder N.* The Arithmetic of Computers originally published. N. Y., 1958.
11. *Hymes D.* Toward ethnography of communicative events // Language in social context / ed. by P.P. Giglioli. Harmondsworth, 1972.
12. *Rivers W.* The Psychologist and the Foreign Language Teacher. Chicago, 1979.
13. *Kasen A.O., Kondubaeva M.R.* Mekhanizm formirovaniya yazykovoy kompetentsii u studentov-ekologov // Altyn-sarinskije chteniya. Razvitiye natsional'noy sistemy obrazovaniya v usloviyakh globalizatsii: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Almaty, 2008.
14. *Kulibaeva D.N.* Metodologicheskie osnovy upravleniya obrazovatel'noy sistemoy shkol mezhdunarodnogo tipa. Almaty, 2014.
15. *Aysabay G.K.* Kommunikativno-orientirovannoe izuchenie paronimov pri obuchenii russkomu yazyku kak inostrannomu: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. Almaty, 2009.
16. *Izdeleuova A.B.* Razvitiye klyuchevykh kompetentsiy starsheklassnikov v protsesse domashnikh uchebnykh zanyatiy (na primere istorii Kazakhstana): avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. Karaganda, 2007.
1. *Karlinskiy A.E.* Vliyaniye dvuyazychiya na intellekt // Myshlenie i obshchenie: materialy Vsesoyuznogo simpoziuma. Alma-Ata, 1973.
2. *Berdenova S.Zh.* Formirovaniye kommunikativnoy kompetentsii poliyazychnoy lichnosti uchashchikhsya 5 klassa obshcheobrazovatel'noy shkoly Kazakhstana s russkim yazykom obucheniya: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. Almaty, 2006.
3. *Passov E.I.* Kommunikativnyy metod obucheniya inoyazychnomu govoreniyu. M., 1991.
4. *Sabitova Zh.I.* Obrazovaniye, orientirovannoye na rezul'tat v nachal'noy shkole // Altynsarinskije chteniya. Razvitiye natsional'noy sistemy obrazovaniya v usloviyakh globalizatsii: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Almaty, 2008.
5. *Salkhanova Zh.Kh.* Kompetentnost' i kompetentsii. Almaty, 2013.

Поступила в редакцию 04.11.2015 г.

UDC 81-13; 37.02

RELEVANT TENDENCIES OF KAZAKHSTAN LINGUODIDACTICS

Zhanat Khamarova SALKHANOVA, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan, Doctor of Pedagogy, Candidate of Philology, Professor of Russian Philology and World Literature Department, e-mail: salkhanova.zhanat@mail.ru

Developments of Kazakhstan scientists, connected with tendencies and directions of modern linguodidactics are reviewed. It is marked, that the formation of competences is viewed as central language education by researches. The thesis about communicative approach foreground, aimed at formation and development of competences was the condition for innovative technologies and teaching methods development. The functional-communicative teaching technologies peculiarities, technologies of linguistic programming, active teaching methods and also work where intercultural-communicative is considered to be basic competence. It is shown that post-Soviet peoples' language culture has two sides. First of all, these are native language and Russian language speech cultures. But they should not be opposed. Both native and Russian languages as international communication language are relevant in Kazakhstan educational space. Lately foreign language has been becoming more important. It is proved, that the problem of transparent technologies and technical approaches, spreading over different educational stages – school, college, institute of higher education is very prospective nowadays. According to the idea of continuity and succession interpreting modern education as open, flexible, mobile system, providing the possibility of continuous education and development during all life was shown that transparent technologies are able to provide conditions both for narrow direction and for multi-sided language personality preparation.

Key words: tendency; technology; competence; continuity; result.

УДК 37.016:009(082)

СОДЕРЖАНИЕ И СТРУКТУРА РЕЧЕВОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ЛИЧНОСТИ

© Марина Петровна МАНАЕНКОВА

Мичуринский государственный аграрный университет,
г. Мичуринск, Тамбовская область, Российская Федерация, кандидат
филологических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и психологии,
e-mail: mmanaenkova@yandex.ru

Рассмотрена содержательно-структурная сущность речевой компетентности личности, ее значимость. Акцентировано внимание на том, что необходимо комплексно изучать и успешно моделировать процесс формирования исследуемой компетентности, потому что степень овладения речевой компетентностью отражает профессиональный и личностный уровень развития специалиста, а сама компетентность занимает особое место среди компонентов лингвистического образования: является важным связующим звеном между языковой компетентностью и коммуникативной компетентностью личности. Проанализированы различные подходы к определению понятий *речевая компетентность*, *языковая личность*, *речевая деятельность*, доказывающаяся сложность их природной родственности. Речевая компетентность характеризует уровень развития языковой личности, является результатом освоения личностью речевой деятельности, инициирует ее и одновременно совершенствуется в этой деятельности, потому что является основой коммуникации и эволюционирует в процессе коммуникации. Лингвисты рассматривают речевую компетентность как умение создавать и понимать различные типы дискурса и поэтому называют речевую компетентность дискурсивной. Дано уточненное определение речевой компетентности, которая заключается в свободном практическом владении речью на данном языке, умении говорить правильно, бегло и динамично как в диалоге, так и в виде монолога, хорошо понимать слышимую и читаемую речь, включая умение производить и понимать речь в любом функциональном стиле. Она включает мотивационно-целевой, содержательный и личностный компоненты и выполняет важные функции: познавательную (отражение), информативную (сообщение, выражение), коммуникативную (воздействие), стимулирующую (мотивационную). Обоснована необходимость формирования речевой компетентности выпускника любого вуза, а педагогического в особенности, как одной из ключевых, потому что она обуславливает, с одной стороны, личностное развитие, а с другой – уровень развития общества в целом.

Ключевые слова: компетентностный подход; языковая личность; речевая деятельность; языковая и коммуникативная компетентность; речевая компетентность; компетенция; структурные компоненты; функции.

В контексте компетентностного подхода в современной образовательной парадигме высшей школы формированию речевой компетентности придается большое значение [1; 2]. По мнению ученых, современный выпускник вуза должен быть не только образованным, способным к анализу и решению сложных проблемных ситуаций, но и должен проявлять внимание к собственной речевой культуре, которая является обязательным компонентом его профессионального и личностного становления.

Языковое образование обязательно должно включать три составляющие: формирование языковой (лингвистической) компетентности (научные знания о языке), речевой компетентности (владение функциональными регистрами русского языка), коммуникативной компетентности (способность эффективно использовать все вербальные и невер-

бальные средства для осуществления успешной коммуникации в разных сферах общения).

Наш интерес к структурным и содержательным особенностям речевой компетентности обусловлен тем обстоятельством, что исследуемая нами компетентность занимает особое место среди компонентов лингвистического образования: является важным связующим звеном между языком как системой знаков и символов (языковой компетентностью) и успешной коммуникацией (коммуникативной компетентностью) [3].

В «Новом словаре методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам)» отмечается, что «речевая компетенция входит в состав коммуникативной компетенции. Означает владение способами формирования и формулирования мыслей посредством языка и умение пользоваться

такими способами в процессе восприятия и порождения речи. Однако речевая компетенция, как и языковая компетенция, является не самоцелью, а промежуточным звеном на пути к коммуникативной компетенции. Она подлежит усвоению в объеме, необходимом и достаточном для решения задач взаимодействия в процессе общения в соответствии с нормами изучаемого языка, узусом и традициями культуры этого языка. Содержание речевой компетенции для разных уровней и этапов обучения зафиксировано в государственных образовательных стандартах» [4, с. 240].

Язык является структурообразующим элементом образования, поскольку именно знание языка дает возможность полноценно осваивать учебные дисциплины. Для становления новой концепции языкового образования чрезвычайно значимыми оказываются антропоцентрические ориентации современной лингвистической науки, актуальное в современной лингвистике понятие *языковой личности*.

Впервые это понятие употребил в своих работах В.В. Виноградов. В широкий научный обиход ввел его Ю.Н. Караулов, который предлагал под *языковой личностью* понимать «совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и воспроизведение им речевых произведений (текстов), которые различаются: а) степенью структурно-языковой сложности; б) глубиной и точностью отражения действительности; в) определенной целевой направленностью...» [5, с. 85].

В содержание языковой личности исследователи предлагают включать следующие компоненты:

1) ценностный, мировоззренческий компонент содержания воспитания, т. е. систему ценностей, или жизненных смыслов. Язык обеспечивает первоначальный и глубинный взгляд на мир, образует тот языковой образ мира и иерархию духовных представлений, которые лежат в основе формирования национального характера и реализуются в процессе языкового общения;

2) культурологический компонент, т. е. уровень освоения культуры как эффективного средства повышения интереса к языку. Привлечение фактов культуры изучаемого языка, связанных с правилами речевого и неречевого поведения, способствует форми-

рованию навыков адекватного употребления и эффективного воздействия на партнера по коммуникации;

3) личностный компонент, т. е. индивидуальное, глубинное, что есть в каждом человеке [6, с. 143].

Языковая личность предполагает сформированность ряда компетентностей, характеризующих ее речевое поведение: языковой компетентности, речевой компетентности, коммуникативной компетентности.

По мнению исследователей, языковая компетентность сводится:

– к знанию самого языка, овладению языковыми нормами, включая орфографические и пунктуационные [7];

– к языковому сознанию, отражению специфической языковой структуры в подсознании носителей языка [8];

– к потенциалу лингвистических (языковедческих) знаний человека, совокупности правил анализа и синтеза единиц языка, позволяющих строить и анализировать предложения, пользоваться системой языка для целей коммуникации [8].

Языковая компетентность связана с восприимчивостью сущности языковых единиц всех уровней языка (фонетического, лексического, словообразовательного, морфологического, синтаксического), с пониманием лексического и грамматического значения, с осмыслением теории речи, предполагает осведомленность в системе русского языка и семантике языковых единиц всех уровней, характеризуется как способность понимать и продуцировать неограниченное число правильных в языковом отношении предложений с помощью усвоенных языковых знаков и правил их соединения.

Под коммуникативной компетентностью понимают: овладение различными видами речевой деятельности на основе речеведческих знаний (Е.С. Антонова), выбор и реализацию программ речевого поведения в зависимости от способности человека ориентироваться в той или иной обстановке общения, умение классифицировать ситуации в зависимости от темы, задач, коммуникативных установок, возникающих у учеников до беседы, а также во время беседы в процессе взаимной адаптации (М.Н. Вятютнев), владение словом с целью эффективного общения (Л.А. Нефедова), усвоение теоретиче-

ских знаний в области коммуникации, которая заключается в передаче информации от человека или группы к человеку или группе и предполагает практическое владение формами взаимодействия в процессе жизнедеятельности с помощью языка и других знаковых систем (В.Э. Мильман).

Наибольшая вариативность определений в научной литературе наблюдается в отношении исследуемой нами *речевой компетентности*.

Речевая компетентность в языковедческих исследованиях понимается как уровень владения основными умениями и навыками всех видов речевой деятельности в жизненно важных для данного возраста сферах и жанрах общения [10, с. 46]. Лингвисты рассматривают речевую компетентность как умение создавать и понимать различные типы дискурса, и поэтому называют речевую компетентность дискурсивной.

Феноменальность речевой компетентности обуславливает динамику ее междисциплинарного характера: понятие «речевая компетентность» выходит за рамки лингвистической науки и прочно входит в понятийный аппарат психологии и педагогики. Понятие *речевой деятельности* было введено и обосновано в советской и мировой науке Л.С. Выготским и развито его школой (Л.И. Божович, П.Я. Гальперин, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия). Л.С. Выготский считал, что речь должна рассматриваться в качестве акта человеческой деятельности как средство общения, высказывания и понимания. В речевой деятельности он видел возможность социального становления человека и всех его познавательных сил.

В работах по педагогике *речевая компетентность* трактуется двояко: как знания, умения и навыки, необходимые для понимания чужих и порождения своих собственных программ речевого поведения, адекватного полям, сферам, ситуациям общения, и как совокупность знаний о системе языка, его функциях, устройстве, умения и навыки нормативного использования языковых средств для достижения орфографической, пунктуационной и речевой грамотности [11; 12].

В работах Л.В. Казанцевой, которые посвящены изучению *речевой компетентности* учителя иностранного языка, под речевой компетентностью понимаются знания, умения,

навыки и полномочия педагога обозначать оптимальное решение проблематики урока иностранного языка. Исследователь в понятие *речевая компетентность* включает следующие его характерные признаки: концептуальный опыт, который выражается в обозначении идей, деятельностный опыт, выражающийся в обозначении действия, и сенсорный опыт, обозначающийся сенсорикой. Определяя место речевой компетентности учителя иностранного языка в профессиональной компетентности учителя, Л.В. Казанцева использует, на наш взгляд, точную метафору, называя речевую компетентность «айсбергом», причем речевая компетентность является не только «надводной частью» профессиональной компетентности, но и глубинными сферами профессионального мышления и управления процессами обучения и воспитания [13].

Справедливости ради следует отметить, что объем понятия *речевая компетентность* в специальных исследованиях не всегда определяется корректно. Например, С.Н. Митина, исследуя проблему формирования речевой компетентности будущего учителя, включает в анализируемое понятие, помимо собственных коммуникативных умений, также знание основных понятий лингвистики [14, с. 34]. В анализируемой точке зрения наблюдается явное смешение основных компетенций языкового образования: языковой (лингвистической) компетенции, речевой компетенции и коммуникативной компетенции.

Анализ специальных работ, посвященных исследованию интересующих нас вопросов, позволил сделать вывод о том, что проблема формирования речевой компетентности, или речевой компетентности по другой терминологии, более проработанной, является применительно к процессу организации изучения иностранного языка. Очевидно, в этом обстоятельстве проявляется некая наша беспечность: речевая деятельность с использованием родного языка кажется нам настолько естественной, что мы не очень задумываемся над механизмом ее организации и функционирования. Личный опыт показывает, что интересные исследования появляются по исследуемой проблеме в работах, посвященных изучению процесса обучения русскому языку как иностранному (например, М.В. Всеволодовой).

В концепциях лингвометодистов мы находим разные *дефиниции речевой компетентности*. В рамках традиционной лингвистики речевая компетентность может трактоваться узко: как сумма актуализированных в речевой деятельности знаний и умений в сфере ортологии, стилистики, риторики и прагматики. Учитывая возможность речевой репрезентации как в устной, так и в письменной форме, где письменная речь представляет собой процесс кодирования устной речи с помощью графических знаков (т. е. процесс вторичного кодирования), мы полагаем, что качество речевой компетентности, отражающейся в письменных текстах, также определяется орфографическими и пунктуационными навыками. Тем не менее, орфография и пунктуация характеризуют знаковое оформление речи, а потому в определенной мере вторичны и относятся скорее к сфере языковой компетентности, связанной с изучением языка как структурированной системы.

На наш взгляд, обоснованное определение речевой компетентности дано Э.В. Сойфер: «*Речевая компетентность*, иначе *дискурсивная*, связывается с умением создавать и понимать разные типы дискурса». При этом *дискурс* понимается как «сложное коммуникативное явление, которое включает в себя и социальный контекст, дающий представление как об участниках коммуникации (и их характеристиках), так и о процессах производства и восприятия сообщения» [15, с. 72].

В дискурсах личность реализует накопленное субъективное содержание, транслирует результаты рефлексии и самоанализа, упорядочивает себя и свой индивидуальный опыт. В связи с этим фактом речевую компетентность в некоторых источниках называют еще дискурсивной компетентностью. Приведенные определения однозначно указывают на базовое свойство речевой компетентности – субъектно-личностную природу, что, в сущности, подтверждает обоснованность выделенного нами в структуре компетентности личностного компонента. Речевая компетентность формируется на основе актуализации языковой способности личности в определенных социальных условиях: очевидна та же контекстная, социумная природа речевой компетентности, которая акцентировалась

всеми исследователями в рамках широкого семантического поля категории *компетентность*.

Наличие содержательного компонента в структуре речевой компетентности не вызывает сомнений. Так, Л.И. Кирилина характеризует *речевую компетентность* как комплекс знаний, умений, навыков, необходимых для порождения собственных программ речевого поведения, адекватных целям, сферам, ситуациям общения, включающий в себя:

- знание основных понятий лингвистики речи – стили, типы речи, строение описания, рассуждения, повествования, способы связи слов и предложений в тексте;
- умения и навыки анализа текста;
- коммуникативные умения – умения и навыки речевого общения применительно к различным сферам и ситуациям общения с учетом адресата и стиля [16, с. 83].

По мнению Т.В. Шмелевой, *речевая компетентность* также указывает на уровень владения основными умениями и навыками всех видов речевой деятельности в жизненно важных для конкретного возраста сферах и жанрах общения и может быть представлена в контексте параметров: роли (автор, порождая высказывание, выполняет рецептивную роль, а адресат, воспринимая автора, играет креативную роль), фактуры (основные фактурные разновидности: 1) устная речь, 2) письменная речь, 3) техническая речь (телеграфная, радиийная, телефонная, телевизионная, компьютерная)), которая дифференцируется по сферам (бытовой, деловой, научной, политической, конфессиональной, эстетической, художественной, изящной), жанрам (у каждой сферы речи собственный репертуар речевых жанров).

В целом *речевая компетентность*, безусловно, актуализирует системное понимание речи как деятельности субъекта, процесса и его качественного результата (текста), готовность к использованию «крылатых слов».

Представленный выше анализ определенных исследуемой в статье компетентности показывает, что понятие «речевая компетентность» наполнено различным содержанием. Очевидно, что оно включает в себя характеристики, некоторые из которых могут быть отнесены либо к языковой компетентности, либо к коммуникативной компетентности, тогда как исследуемая нами компе-

тентность представляет собой особую характеристику языковой личности.

Под речевой компетентностью вслед за Н.Н. Романовой и А.В. Филипповой следует понимать, по нашему мнению, «*свободное практическое владение речью на данном языке, умение говорить правильно, бегло и динамично как в диалоге, так и в виде монолога, хорошо понимать слышимую и читаемую речь, включая умение производить и понимать речь в любом функциональном стиле*». *Речевая компетентность обуславливается языковой компетентностью, широкой речевой практикой общения, большим объемом чтения литературы разных жанров и обуславливает коммуникативную компетентность* [17, с. 174]. Отметим, что, в отличие от языковой и коммуникативной, речевая компетентность имеет дискурсивную природу и отражает качество вербального поведения обучаемых, ориентированных на требования профессии.

Речевая компетентность субъекта представляет собой комплексное явление, определяющее речевое поведение и основанное на комплексе способностей:

- а) «слышать» интенции собеседника;
- б) осознавать целесообразность конструктивных целей;
- в) уметь программировать конструктивную стратегию коммуникации;
- г) управлять коммуникацией в рамках дискуссии (не полемики).

Речевая компетентность является уникальным явлением, поскольку может быть отнесена к нескольким группам (типам) компетентностей специалиста по классификациям разных исследователей. Например, она входит в состав всех четырех видов профессиональной компетентности (специальной, социальной, личностной и индивидуальной), которые выделяет А.К. Маркова в своей работе «Психология профессионализма». Исследуемый нами вид компетентности является значимым компонентом и в обеих подструктурах педагогической компетентности (деятельностной и коммуникативной), выделенных Л.М. Митиной [18].

И.А. Зимняя выделяет три основные группы компетентностей: компетентности, относящиеся к самому себе как личности, как субъекту жизнедеятельности; компетентно-

сти, относящиеся к взаимодействию человека с другими людьми; компетентности, относящиеся к деятельности человека, проявляющиеся во всех ее типах и формах. Понятно, что все эти три группы компетентностей базируются на речевой компетентности.

Описание феноменальной природы речевой компетентности, о которой мы писали выше, будет неполным без определения ее функций. Вслед за А.Н. Ксенофоновой мы выделяем следующие функции речевой компетентности: познавательная (отражение), информативная (сообщение, выражение), коммуникативная (воздействие), стимулирующая (мотивационная). При этом мы осознаем, что в реальном процессе все функции взаимосвязаны и могут переходить одна в другую.

Познавательная функция речевой компетентности тесно связана с ролью речи в осуществлении высших психических функций человека, особенно с мышлением, т. к. речь – это орудие мышления, с одной стороны, и продукт мыслительной деятельности, с другой. Речь является основным орудием и в педагогической деятельности, позволяющим организовывать и осуществлять ее учителем как на уроке, так и во внеурочное время.

Информативная функция речевой компетентности связана с передачей и присвоением информации (получением знаний, овладением умениями и навыками) в образовательном процессе и созданием благоприятной среды для успешности педагогического процесса. Информационная функция речевой деятельности предполагает еще и информационную функцию речевой компетентности, которая заключается в том, чтобы полученная учащимися информация приобрела личностный смысл. Ценность информации возрастает в зависимости от ее востребованности в конкретных жизненных ситуациях и обстоятельствах.

Доказательством такого утверждения является педагогическая практика студентов, в течение которой они не только применяют полученные знания и освоенные умения и навыки в практической деятельности, но и применяют полученную теоретическую информацию на лекционных и семинарских занятиях по психолого-педагогическим дисциплинам и методикам преподавания разных дисциплин, при анализе своей деятельности

и деятельности учеников на уроке в письменной и устной форме. Таким образом, информационная функция речевой компетентности заключается не только в умении студентов получать информацию, но и, самое главное, в контексте компетентностного подхода – применять в своей деятельности полученную информацию.

Коммуникативная функция речевой компетентности заключается в умении адекватно сложившейся педагогической ситуации выбрать речевые средства. Прежде всего, это разнообразие арсенала речевых умений и адекватность их выбора относительно сложившейся ситуации.

Стимулирующая (мотивационная) функция речевой компетентности обусловлена ценностно ориентированным отношением к профессии. Выбранный учителем стиль профессиональной деятельности выражается и в речевой деятельности. Речевая компетентность определяет направленность личности учителя, т. е. совокупность потребностей и мотивов личности, определяющих главное направление ее поведения. Стимулирующая функция речевой компетентности и проявляется в речевом поведении. Направленность речевого поведения зависит от уровня сформированности речевой компетентности учителя. В зависимости от ценностных ориентаций учителя в педагогической деятельности он выбирает речевые средства воздействия на ученика, ставя ученика в определенную позицию. Если ценностью для учителя в педагогической деятельности является постановка ученика в субъектную позицию с помощью речевых умений, то это и будет признаком высокого уровня его речевой компетентности.

Сущность речевой компетентности невозможно определить без описания ее структуры. Структурные компоненты исследуемого нами явления могут быть выявлены на основе обобщения усилий исследователей трех основных подходов к определению компетентности. Структуру речевой компетентности, по нашему мнению, можно представить как сумму следующих компонентов:

- мотивационно-целевого, связанного с социально-практической направленностью деятельности (профессиографический подход);
- содержательного, характеризующегося наличием комплекса знаний и умений,

ориентированного на дискурс определенной деятельности (компетентностный подход);

- личностного, определяемого потенциалом профессионально значимых психологических качеств субъекта (акмеологический подход).

Следует отметить, что содержательный и личностный компоненты компетентности выделяются большинством исследователей. Доказательством наличия в структуре речевой компетентности мотивационно-целевого компонента являются следующие точки зрения.

И.А. Зимняя, характеризуя ключевые компетенции как новую парадигму результата современного образования, приводит в сокращении список 39 видов компетентностей (по Дж. Равену), среди которых указывает на тенденцию к более ясному пониманию ценностей и установок по отношению к конкретной цели, внимание к проблемам, связанным с достижением поставленных целей. Ю.В. Варданян считает, что становление и развитие профессиональной компетентности характеризуется не только овладением специалистом стратегическими, тактическими и оперативными умениями, но и приданием им значимой профессиональной направленности по отношению к себе как к деятелю, к объекту, предмету профессиональной деятельности. Так, умение проектировать и воплощать перспективу своего профессионального становления становится одной из основ формирования компетентности [19, с. 123].

А.А. Деркач, В.Г. Зазыкин, Е.В. Селезнева, перечисляя умения-компетенции, значимые для профессионала, указывают на необходимость знания их круга полномочий, сферы профессионального ведения, а также на целеобразование, целепологание и целеосуществление, отражающие позицию «должен, хочу, могу, умею, добиваюсь». А.В. Хуторской отмечает, что «...компетентность всегда лично окрашена... Таких качеств может быть целый веер: от смысловых и мировоззренческих (зачем мне необходима данная компетентность) до рефлексивно-оценочных (насколько успешно я применяю ее в жизни)» [20, с. 61].

Речевая компетентность – это результат освоения личностью речевой деятельности. Эта компетентность и проявляется в речевой деятельности как основе человеческой деятельности. Не случайно когда-то Сократ

произнес: «Заговори, чтоб я тебя увидел». В речевой деятельности студенты педагогического вуза познают основы профессиональной деятельности учителя в образовательном процессе.

Специфичность речевой компетентности, на наш взгляд, обусловлена тем обстоятельством, что она является фундаментальной и в личностной, и в профессиональной составляющей выпускника любого вуза, а педагогического в особенности. Специфика работы учителя обуславливает особые требования к его речевой деятельности в образовательном процессе. Компетентностный подход, который стал основополагающим в российской образовательной системе, предполагает формирование речевой компетентности учителя как одной из ключевых.

Уникальность речевой компетентности состоит и в том, что она является результатом образовательного процесса, с одной стороны, и важнейшим средством образования, с другой. Бинарный характер речевой компетентности проявляется и в межличностном общении: она является основой коммуникации и эволюционирует в процессе коммуникации.

Будучи особым самостоятельным видом деятельности, речевая деятельность является необходимой принадлежностью любой деятельности, совершаемой вместе с другими людьми. Сущность профессии учителя заключается во взаимодействии его с учениками в педагогическом процессе. Образовательный процесс реализуется в речевой деятельности через общение и познание, поэтому студенты должны понимать и осознавать важность речевой деятельности как основы педагогической: включаясь в нее и проявляя активность, они становятся компетентными в ней, т. е. умеющими решать конкретные педагогические задачи.

Образовательный процесс подготовки будущего учителя построен на речевой деятельности. В этой деятельности выражены все ее особенности: восприятие речи другого, выражение своей речи преподавателем и учащимися, воздействие на соучастников учебной и внеучебной деятельности при помощи логических и экспрессивных форм речевой деятельности. Речевая деятельность пронизывает весь образовательный процесс в

вузе и определяет характер будущей педагогической деятельности, потому что:

- является средством познания студентов;
- является выражением познавательной деятельности студента;
- является основой различных межличностных отношений;
- способствует становлению студента как субъекта профессиональной деятельности, а значит и его компетентности.

Поэтому необходимо так организовать педагогический процесс в вузе, чтобы процесс формирования речевой компетентности стал более эффективным [21]. Успешное формирование речевой компетентности должно стать одной из основных задач не только при изучении речеведческих дисциплин, но и всех других дисциплин, изучаемых студентами в соответствии с учебным планом: любая учебная дисциплина в профессиональной подготовке будущего учителя целью своей должна ставить развитие речевой деятельности студентов с учетом особенностей конкретной дисциплины, индивидуальных способностей каждого студента.

Задачей каждого преподавателя является использование речевой деятельности в образовательном процессе для формирования важнейших личностных образований студентов, подводящих их к активной позиции субъекта в учебной деятельности [22]. Таким образом формируется потребность использовать эту функцию речевой деятельности в своей будущей педагогической деятельности. В этом и состоит роль речевой деятельности в формировании речевой компетентности: ставя учащегося в субъектную позицию в речевой деятельности, мы определяем направленность его будущей педагогической деятельности, которая будет иметь гуманистический характер.

Сегодня для всех очевидным является то обстоятельство, что формированию речевой компетентности студентов необходимо уделять больше внимания в системе профессионального образования, ведь она обуславливает, с одной стороны, личностное развитие выпускника вуза, а с другой – уровень развития общества в целом.

1. *Смирнов С.* Болонский процесс: перспективы развития в России // Высшее образование в России. 2004. № 1. С. 43-51.

2. *Копытова Н.Е., Макарова Л.Н., Шаршов И.А.* Компетентностно-ориентированное повышение квалификации преподавателей вуза // Высшее образование сегодня. 2011. № 1. С. 41-44.
  3. *Манаенкова М.П.* Речевая компетентность выпускника вуза – основа его успешной социализации // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 9 (055). С. 156-158.
  4. *Азимов Э.Г., Шукин А.Н.* Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М., 2009.
  5. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность и задачи ее изучения. М., 2010.
  6. *Леонтьев А.А.* Язык и речевая деятельность в общей и педагогической психологии: избранные психологические труды. М., 2004.
  7. *Антонова Е.С.* Методика преподавания русского языка: коммуникативно-деятельностный подход. М., 2007.
  8. *Нефедова Л.А., Ухова Н.М.* Развитие ключевых компетенций в проектном обучении // Школьные технологии. 2006. № 4. С. 30-43.
  9. *Зимняя И.А., Боденко Б.Н., Кривченко Т.А., Морозова Н.А.* Общая культура человека в системе требований государственного образовательного стандарта. М., 1999.
  10. *Ксенофонтова А.Н.* Система обучения педагогов конструированию речевой деятельности. Оренбург, 2001.
  11. *Кабардов М.К., Арцишевская Е.В.* Типы языковых и коммуникативных способностей и компетенции // Вопросы психологии. 1996. № 1. С. 34-42.
  12. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
  13. *Казанцева Л.В.* Речевая компетенция учителя иностранного языка: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Тамбов, 2001.
  14. *Митина С.Н.* Проектирование в формировании речевой компетенции будущего учителя // Высшая школа. 2004. № 5. С. 32-35.
  15. *Сойфер Э.В.* Создание и восприятие дискурса в условиях управляемого общения на иностранном языке // Казанская лингвистическая школа: традиции и современность. Казань, 2003. С. 70-75.
  16. *Кирилина Л.И.* Современные технологии обучения русскому языку как средство повышения качества образования в условиях модернизации и профессиональная компетентность учителя // Современные наукоемкие технологии. 2005. № 6. С. 82-88.
  17. *Романова Н.Н., Филиппов А.В.* Словарь. Культура речевого общения: этика, прагматика, психология. М., 2010.
  18. *Митина Л.М.* Психология профессионального развития учителя. М., 1998.
  19. *Варданян Ю.В.* Строение и развитие профессиональной компетентности специалиста с высшим образованием: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 1998.
  20. *Хуторской А.В.* Ключевые компетенции // Народное образование. 2003. № 2. С. 58-65.
  21. *Манаенкова М.П.* Речевая компетенция в контексте личностно-профессиональных компетенций студента // Психолого-педагогический журнал Гаудеамус. 2014. № 1 (23). С. 28-32.
  22. *Шаршов И.А., Макарова Л.Н.* Сущность и структура компетентностно-развивающей модели повышения квалификации научно-педагогических кадров // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. Тамбов, 2011. № 1 (93). С. 105-110.
-
1. *Smirnov S.* Bolonskiy protsess: perspektivy razvitiya v Rossii // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2004. № 1. S. 43-51.
  2. *Kopytova N.E., Makarova L.N., Sharshov I.A.* Kompetentnostno-orientirovannoe povyshenie kvalifikatsii prepodavateley vuza // Vysshee obrazovanie segodnya. 2011. № 1. S. 41-44.
  3. *Manaenkova M.P.* Rechevaya kompetentnost' vypusknika vuza – osnova ego uspeшной sotsializatsii // Sotsial'no-ekonomicheskie yavleniya i protsessy. 2013. № 9 (055). S. 156-158.
  4. *Azimov E.G., Shchukin A.N.* Novyy slovar' metodicheskikh terminov i ponyatiy (teoriya i praktika obucheniya yazykam). M., 2009.
  5. *Karaulov Yu.N.* Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost' i zadachi ee izucheniya. M., 2010.
  6. *Leont'ev A.A.* Yazyk i rechevaya deyatel'nost' v obshchey i pedagogicheskoy psikhologii: izbrannye psikhologicheskie trudy. M., 2004.
  7. *Antonova E.S.* Metodika prepodavaniya russkogo yazyka: kommunikativno-deyatelnostnyy podkhod. M., 2007.
  8. *Nefedova L.A., Ukhova N.M.* Razvitie klyucheovykh kompetentsiy v proektnom obuchenii // Shkol'nye tekhnologii. 2006. № 4. S. 30-43.
  9. *Zimnyaya I.A., Bodenko B.N., Krivchenko T.A., Morozova H.A.* Obshchaya kul'tura cheloveka v sisteme trebovaniy gosudarstvennogo obrazovatel'nogo standarta. M., 1999.
  10. *Ksenofontova A.N.* Sistema obucheniya pedagogov konstruirovaniyu rechevoy deyatel'nosti. Orenburg, 2001.
  11. *Kabardov M.K., Artsishevskaya E.V.* Tipy yazykovykh i kommunikativnykh sposobnostey i kompetentsii // Voprosy psikhologii. 1996. № 1. S. 34-42.
  12. *Leont'ev A.N.* Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'. M., 1975.

13. *Kazantseva L.V.* Rechevaya kompetentsiya uchitelya inostrannogo yazyka: avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk. Tambov, 2001.
14. *Mitina S.N.* Proektirovanie v formirovanii rechevoy kompetentsii budushchego uchitelya // *Vyssshaya shkola*. 2004. № 5. S. 32-35.
15. *Soyfer E.V.* Sozdanie i vospriyatie diskursa v usloviyakh upravlyaemogo obshcheniya na inostrannom yazyke // *Kazanskaya lingvisticheskaya shkola: traditsii i sovremennost'*. Kazan', 2003. S. 70-75.
16. *Kirilina L.I.* Sovremennye tekhnologii obucheniya russkomu yazyku kak sredstvo povysheniya kachestva obrazovaniya v usloviyakh modernizatsii i professional'naya kompetentnost' uchitelya // *Sovremennye naukoemkie tekhnologii*. 2005. № 6. S. 82-88.
17. *Romanova N.N., Filippov A.V.* Slovar'. Kul'tura rechevogo obshcheniya: etika, pragmatika, psikhologiya. M., 2010.
18. *Mitina L.M.* Psikhologiya professional'nogo razvitiya uchitelya. M., 1998.
19. *Vardanyan Yu.V.* Stroenie i razvitie professional'noy kompetentnosti spetsialista s vysshim obrazovaniem: avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk. M., 1998.
20. *Khutorskoy A.B.* Klyuchevye kompetentsii // *Narodnoe obrazovanie*. 2003. № 2. S. 58-65.
21. *Manaenkova M.P.* Rechevaya kompetentsiya v kontekste lichnostno-professional'nykh kompetentsiy studenta // *Psikhologo-pedagogicheskiy zhurnal Gaudeamus*. 2014. № 1 (23). S. 28-32.
22. *Sharshov I.A., Makarova L.N.* Sushchnost' i struktura kompetentnostno-razvivayushchey modeli povysheniya kvalifikatsii nauchno-pedagogicheskikh kadrov // *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki*. Tambov, 2011. № 1 (93). S. 105-110.

Поступила в редакцию 14.12.2015 г.

UDC 37.016:009(082)

CONTENT AND STRUCTURE OF PERSONALITY'S SPEECH COMPETENCE

Marina Petrovna MANAENKOVA, Michurinsk State Agrarian University, Michurinsk, Tambov Region, Russian Federation, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Pedagogy and Psychology Department, e-mail: mmanaenkova@yandex.ru

Content-structural essence of personality's speech competence, its significance are considered. The attention is paid to the necessity to study and successfully design the process of the studied competence formation in complex because the grade of mastering speech competence reflects professional and personal level of specialist's development and the competence itself takes an important place among components of linguistic education. It is an important connecting-link in language competence and communicative personality competence. Different approaches to the notions speech competence, language personality, performance are analyzed. The complexity of their natural alliance is proved. Speech competence characterizes the level of language personality development, it is the result of mastering performance, initiates it and at the same time improves in this activity because it is the basis of communication and it evolves in the communication process. Linguists consider speech competence as an ability to create and understand different types of discourse and that is why they call speech competence discursive. The definition of speech competence which consists in free practical speech possession in this language, the ability to speak correctly, fluently both in a dialogue and monologue, to understand the oral and written speech, including the ability to produce and understand speech in every functional style. It includes motivational-aimed content and personal components and performs different functions: cognitive (reflection), informative (message, expression), communicative (influence), stimulating (motivation). The necessity to form speech competence of the institute graduates, especially from the pedagogic faculties, is one of key factors as it provides personal development and level of society development in general.

Key words: competence approach; language personality; performance; language and communicative competence; speech competence; competence; structural components; functions.